

Артур
Голден

МЕМУАРЫ
ГЕЙШИ

Один взгляд гейши
может заставить мужчину
забыть обо всем!

Артур Голден
Мемуары гейши

«Издательство АСТ»

1997

Голден А.

Мемуары гейши / А. Голден — «Издательство АСТ», 1997

ISBN 978-5-17-059515-0

Роман-сенсация, ставший абсолютным мировым бестселлером, покори́вший миллионы женских сердец и положенный в основу одного из самых красивых и романтических фильмов Голливуда! Искусство гейши – не обольщать мужчин, но покорять их... Гейша – женщина, одним взглядом способная заставить забыть обо всем самого искушенного представителя «сильного» пола. Она изящна и остроумна, элегантна и артистична. Ее профессия – развлекать и очаровывать. Но вступать в связь с клиентом ей запрещено, а полюбить кого-то из них считается позором. Перед вами – история Саюри, девушки из простой крестьянской семьи, ставшей королевой гейш Киото. История вражды и соперничества, изощренных женских интриг и великой, пронесенной через десятилетия любви, ради которой Саюри дерзнула нарушить закон гейш... Читайте роман, положенный в основу легендарного голливудского фильма Роба Маршала с Кеном Ватанабе, Мишель Йео, Гун Ли и Чжан Цзы в главных ролях! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-5-17-059515-0

© Голден А., 1997

© Издательство АСТ, 1997

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	52
Глава 9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Артур Голден

Мемуары гейши

Глава 1

Представьте себе, что мы сидим в тихой комнате, смотрим в сад и, потягивая зеленый чай, беседуем о давно минувших событиях. И я говорю вам:

– День, когда я встретила этого человека, был и лучшим, и худшим в моей жизни.

Я полагаю, после этого вы должны отставить свою чашку и спросить:

– Так каким же он все-таки был? Лучшим или худшим? Ведь не мог же он быть лучшим и худшим одновременно.

Я бы тоже сочла это забавным и согласилась с вами, но, как это ни парадоксально, день моей встречи с Танака Ичиро стал действительно и лучшим, и худшим в моей жизни. Господин Танака показался мне таким необыкновенным, что даже рыбный запах, распространявшийся от его рук, казался мне запахом духов. Уверена, не повстречай я его тогда, никогда бы не стала гейшей.

Я родилась и воспитывалась не для того, чтобы стать гейшей Киото, и даже родилась я не в Киото. Я дочь рыбака из маленького городка Йоридо на Японском море. За всю свою жизнь лишь несколькими людям я рассказала об Йоридо, о доме, в котором выросла, об отце с матерью и своей старшей сестре. И никому еще не говорила о том, как стала гейшей или каково ею быть.

Многие просто предполагали, что, возможно, гейшами были мои мама и бабушка и меня стали обучать танцам, как только отняли от груди. Кстати, однажды, несколько лет назад, я наливала сакэ одному господину, упомянувшему о своей недавней поездке в Йоридо. Знаете, я тогда почувствовала себя птицей, перелетевшей за океан и повстречавшей человека, знающего, где находится ее гнездо. От удивления я не удержалась и воскликнула:

– Йоридо! Это место, где я выросла.

Бедный господин! Какая же гамма чувств отразилась на его лице! Он попытался улыбнуться, но это удалось ему с трудом, так поразили его мои слова.

– Йоридо? – переспросил он. – Не может быть!

Я очень долго вырабатывала улыбку, называя ее для себя «улыбкой но» за ее сходство с застывшими чертами масок но, которую можно интерпретировать как кому заблагорассудится. Можете себе представить, как часто я использовала ее преимущества. Я решила воспользоваться ею и сейчас, и это сработало. Господин выдохнул воздух и опрокинул в себя чашечку сакэ.

– Потрясающе! – воскликнул он и рассмеялся. – Ты выросла на такой помойке, как Йоридо. Это все равно что приготовить чай в ведре. – И смеясь продолжил: – Так вот почему ты такая смешная, Саюри-сан. Иногда тебе почти удается убедить меня в правдивости твоих забавных историй.

Признаюсь, не очень приятно думать о себе как о чае, приготовленном в ведре, но отчасти это было правдой. Что и говорить, я выросла в Йоридо, который никак не назовешь райским уголком, да и мало кто вообще там бывал. Что же касается людей, продолжающих там жить, то у них, как правило, просто нет возможности оттуда уехать. Вас, наверное, интересует, как же удалось уехать мне. С этого и начинается моя история.

В нашей небольшой рыбацкой деревушке Йоридо я жила в эдаком «подвыпившем» домишке, стоящем у скалы и обдуваемом постоянными ветрами. Океан рядом всегда дышал с присвистом, а время от времени оглушающе чихал, и ребенком мне казалось, что он подхватил

сильную простуду. Так я воспринимала сильные порывы ветра, сопровождавшиеся невероятными брызгами. Океан, как я считала, обижает наш крошечный домик, чихая время от времени ему в лицо и заставляя отклоняться назад. Возможно, домик однажды бы и развалился, если бы отец не вырезал балку из обломков старой лодки и не подпер ею карниз. Правда, после этого дом стал напоминать хмельного старичка, опирающегося на костыль.

Внутри этого «подвыпившего» дома я и жила довольно унылой, однообразной жизнью. Я с рождения очень похожа на свою мать и совсем не похожа на отца и старшую сестру. У нас с мамой особенные прозрачно-серые глаза в отличие от распространенных карих, обычно встречающихся у японцев. Когда-то, совсем маленькой девочкой, я считала, что кто-то проткнул в маминых глазах дырки и из них вытекли чернила. Гадалки же объясняли бледный цвет глаз присутствием в ее натуре большого количества воды. И воды настолько много, что четыре остальных элемента практически отсутствуют, отчего мамины черты так слабо проявлены. Судя по всему, она должна была быть необычайно привлекательной, такой же, как ее родители. Да, у персика прекрасный вкус, не менее замечательный вкус и у грибов, но их сложно употреблять одновременно. Природа сыграла с ней злую шутку. Она дала ей пухлые материнские губы и угловатую челюсть отца, отчего лицо казалось изысканной картиной в тяжеловесной раме. Ее очаровательные серые глаза обрамляли густые ресницы, так украшавшие лицо ее отца, но делавшие ее взгляд угнетенным.

Мама объясняла, что вышла замуж за моего отца из-за преобладания в ее натуре воды, а в его – дерева, двух элементов, дополняющих друг друга. Люди, знавшие отца, хорошо представляли, что она имеет в виду. Вода быстро перетекает с места на место и всегда находит щелочку, в которую можно проскользнуть. Дерево же, напротив, крепко связано с землей. Сама природа благоприятствовала отцу, ведь он был рыбаком, а человек с натурой дерева легко чувствует себя в водной стихии. Вот почему отец старался никогда не расставаться с морем. Запах моря с него не смывала даже горячая вода. Когда он не рыбачил, то сидел на полу в нашей темной прихожей и чинил рыболовную сеть. И если бы сеть была спящим живым существом, своими неторопливыми движениями отец даже не разбудил бы ее. Он делал все очень медленно и сосредоточенно. Выражение его лица казалось застывшим. Его покрывали глубокие морщины, и с каждой была связана какая-то боль или тревога. Лицо походило на дерево, на каждой ветке которого гнездились птицы. От постоянных переживаний отец выглядел необыкновенно уставшим.

В возрасте шести или семи лет я неожиданно узнала о своем отце нечто новое. Однажды я спросила его:

– Отец, почему вы такой старый?

Он приподнял брови таким образом, что они образовали вокруг глаз небольшие выгнутые зонтики, покачал головой и с глубоким вздохом сказал:

– Не знаю.

Когда я задала тот же вопрос маме, она взглядом дала мне понять, что ответит в другой раз. На следующий день, не говоря ни слова, мама повела меня к деревне и свернула на тропу, ведущую к расположенному в лесу кладбищу. Мы подошли к трем могилам с высокими, значительно выше меня, надгробными плитами, сверху донизу исписанными строгими черными иероглифами. Тогда я только начала ходить в школу и еще не умела читать. Мама указала на одну из плит и произнесла:

– Мацу, жена Сакамото Минору. – Сакамото Минору – имя моего отца. – Умерла в двадцать четыре года, в 1919 году. – Потом она указала на другую плиту: – Иничиро, сын Сакамото Минору, умер в возрасте шести лет в 1919 году.

На последней плите было написано все то же самое, за исключением имени – Масао – и возраста – три года. Оказывается, мой отец уже был женат раньше, много лет назад, но вся его семья умерла. Позднее я вернулась к этим могилам и, стоя рядом с ними, впервые поняла, как

тяжела печаль. Мое тело, легкое лишь мгновение назад, вдруг стало вдвое тяжелее, как будто могилы притягивали его к себе.

Благодаря союзу воды и дерева у родителей на свет появились дети с удачным сочетанием элементов. В то время как я была очень похожа на мать и даже унаследовала ее необычные глаза, Сацу, насколько это возможно, походила на отца. Сестра была на шесть лет старше меня и, конечно, как старшая, могла делать многое, мне еще не дозволенное. Но Сацу обладала удивительным свойством: превращать любое действие в происшествие. Если ее, к примеру, просили налить суп, она делала это так, что лишь часть супа случайно попадала в чашку. Однажды сестра порезалась рыбой. Именно рыбой, а не ножом во время ее чистки. Она шла с горы из деревни и несла завернутую в бумагу рыбу. Сверток выскользнул из рук Сацу, упал на ногу и порезал ее плавником.

Наши родители хотели иметь еще детей, помимо Сацу и меня. Отец мечтал о сыне, с которым мог бы рыбачить. Но когда мне исполнилось семь лет, мама внезапно заболела, видимо, раком кости, и с этого момента я не могла понять, что с ней происходит. Единственное, что помогало ей от боли, – сон, поэтому она спала, как кошка, почти постоянно, большую часть суток, а как только просыпалась, начинала стонать. Я видела, как в ней что-то быстро меняется, но из-за преобладания в ее натуре воды мне эти изменения не казались тревожными.

Иногда она вдруг резко худела, но затем так же быстро поправлялась. К тому времени, когда мне исполнилось девять лет, кости на ее лице стали выдаваться вперед, и она уже больше не набирала своего прежнего веса. Это вода покидала ее из-за болезни, но я не догадывалась об этом. Так же как сочные морские водоросли, высыхая, становятся ломкими, мама все больше и больше теряла главную составляющую своей сущности.

Однажды вечером, когда я сидела на полу в нашей темной прихожей и напевала песенку пойманному утром сверчку, из-за двери раздался голос:

– Эй! Откройте, это доктор Миура!

Доктор Миура приезжал в нашу рыбацкую деревню раз в неделю, и с тех пор как мама заболела, он обязательно заходил к нам. В тот день на море разыгрался шторм, и отец остался дома. Он сидел на своем обычном месте, на полу, запустив в сеть свои паукообразные руки. Отец посмотрел на меня и поднял один палец. Это означало, что я должна открыть дверь.

Доктора Миура в нашей деревне считали важной персоной. Он учился в Токио, знал больше, чем кто-либо, китайских иероглифов и был слишком горд, чтобы заметить такое создание, как я. Когда я открыла ему дверь, он выскользнул из туфель и направился в дом, не обратив на меня внимания.

– Как бы я хотел, – сказал он отцу, – жить, как ты, рыбачить целыми днями в море. Славно! А в непогоду отдыхать... Я вижу, твоя жена еще спит, – продолжал он. – Жаль. Было бы неплохо ее осмотреть.

– Вы думаете? – спросил отец.

– Дело в том, что всю следующую неделю меня не будет. Может, ты все-таки разбудишь ее?

Какое-то время отцу понадобилось на то, чтобы выпутать руки из сети, но в конце концов он встал.

– Чио-сан, – сказал он мне, – принеси доктору чашечку чая.

Тогда меня звали Чио, и только спустя годы я стала известна как гейша Саюри.

Отец с доктором пошли в комнату, где спала мама. Мои попытки подслушать под дверь их разговор ни к чему не привели. Я слышала лишь мамины стоны и ничего из того, о чем они говорили. Я занялась приготовлением чая. Вскоре доктор и отец вышли из маминой комнаты и сели за стол.

– Пришло время сказать тебе кое-что, Сакамото-сан, – начал доктор Миура. – Тебе нужно поговорить с одной женщиной в деревне. По-моему, ее зовут Суджи. Закажи ей новое красивое платье для своей жены.

– У меня нет денег, доктор, – сказал отец.

– Мы все в последнее время стали беднее. Я понимаю тебя, но ты должен это сделать ради своей жены. Она не должна умереть в том поношенном платье, в котором сейчас лежит.

– Она скоро умрет?

– Возможно, еще через несколько недель. У нее ужасные боли, и смерть избавит ее от страданий.

Услышав это, я перестала воспринимать их голоса. В ушах стоял шум, как от крыльев мечущейся в панике птицы. Возможно, это билось мое сердце, я не знаю. Но если вам доводилось видеть птицу, залетевшую в храм и пытающуюся найти выход, то вы можете себе представить овладевшие мною чувства. Конечно, я и раньше часто задумывалась над тем, что может случиться, если мама умрет. Но думала об этом так же, как о землетрясении, способном поглотить наш домик. Сложно представить себе жизнь после подобных событий.

– Я думал, что умру первым, – сказал отец.

– Ты уже не молод, Сакамото-сан, но у тебя крепкий организм. Ты легко сможешь прожить еще лет пять. Я оставлю тебе таблетки для жены. Можно давать по две сразу.

Они еще немного поговорили о таблетках, и доктор Миура ушел. Отец продолжал сидеть спиной ко мне и еще какое-то время молчал. На нем не было рубахи, кожа на его теле была собрана в складки. Чем больше я смотрела на отца, тем больше он напоминал мне любопытную коллекцию форм и фактур. Его позвоночник был похож на холмистую дорогу. Его голова, покрытая обесцвеченными пятнами, походила на битый фрукт. Руки выглядели как палки, обтянутые старой кожей. Если мама умрет, как я смогу продолжать жить в одном доме вместе с ним? Я не хотела уезжать, но независимо от того, будет в нем жить отец или нет, дом станет пустым, после того как мама покинет его. Наконец отец прошептал мое имя. Я подошла сзади и наклонилась к нему.

– Должен сказать тебе что-то очень важное, – произнес он.

Его лицо словно окаменело. Глаза бегали, будто он потерял над ними контроль. Я думала, отец собирается с духом, чтобы сообщить мне о скорой маминей смерти, но он только попросил меня сходить в деревню и купить немного ладана для алтаря.

Семейный буддийский алтарь покоился на старом сундуке рядом с кухней и являлся единственной ценной вещью в нашем «подвыпившем» домике. Перед грубой деревянной скульптурой Амиды, Будды Западного рая, стояли крошечные погребальные дощечки, испи-санные буддийскими именами наших умерших предков.

– Но, отец, разве там уже ничего нет?

Я надеялась, он ответит, но он лишь жестом показал мне на дверь.

Дорога от нашего дома к деревне шла вдоль берега, мимо скал. Идти в такое ненастье казалось невероятно трудно, но я, помнится, была благодарна сильному ветру, как бы разгонявшему беспокоившие меня тяжелые мысли. Море неистовствовало. Волны, как камни, дробились на острые осколки. Мне казалось, весь мир вокруг чувствовал примерно то же самое, что и я. Жизнь, подобно шторму, постоянно смывает то, что было явью всего мгновение назад, и являет миру нечто опустошенное и неузнаваемое. И я впервые об этом задумалась. Пытаясь освободиться от одолевавших меня мыслей, я быстрее побежала по тропинке, пока впереди не показалась деревня.

Йоридо – маленький населенный пункт, расположенный на берегу небольшой морской бухты. Обычно она бывала усеяна рыбаками, но в тот день я заметила лишь несколько возвращавшихся лодочек, напоминавших мне жучков, ползущих по поверхности моря. Шторм посте-

пенно нарастал, и уже слышался его рев. Фигуры рыбаков становились размытыми, а постепенно и вовсе потерялись за завесой дождя. Я могла наблюдать, как шторм двигался вслед за мной. Первые упавшие капли оказались размером с перепелиное яйцо, и буквально через несколько секунд я так вымокла, словно искупалась в море.

В Йоридо всего одна дорога, и ведет она прямо к двери Японской береговой компании морепродуктов. Вдоль нее стояли дома, часть помещений в них была приспособлена под магазинчики. Я переходила улицу напротив дома Окада, где собиралась купить ладан, но неожиданно оступилась, поскользнувшись на грязной дороге, и упала на бок перед повозкой, на какое-то время потеряв сознание. Помню, мне все время хотелось что-то выплюнуть. Затем я услышала голоса и почувствовала, как меня перевернули на спину, подняли и куда-то понесли. По распространявшемуся вокруг запаху рыбы стало понятно – меня принесли в Японскую береговую компанию морепродуктов. Послышался шлепок. Это с одного из столов сбросили на пол сеть с рыбой, а меня положили на его скользкую поверхность. Я была мокрой от дождя, в крови, босая и грязная, одетая в крестьянскую одежду. Я это знала. Но я не знала того, что этот эпизод изменит всю мою жизнь. Ведь именно при этих обстоятельствах я впервые посмотрела в лицо господину Танака Ичиро.

Я видела господина Танака в нашей деревне много раз. Он жил в большом поселке неподалеку, но каждый день приезжал в Йоридо, где его семья владела Японской береговой компанией морепродуктов. Одетый в мужское кимоно и брюки в отличие от рыбаков, носивших крестьянскую одежду, он своим видом напоминал мне изображения самураев. Его кожа выглядела гладкой и упругой, как барабан, а скулы поблескивали, как хрустящая корочка на зажаренной рыбе. Мне он всегда казался необыкновенным, и когда раньше доводилось случайно встречать его на улице, я всегда останавливалась и смотрела на него.

Я лежала на скользком столе, а господин Танака тряс мою голову и осматривал лицо. В какой-то момент он поймал взгляд моих серых глаз, зачарованно смотревших на него. Он мог бы пренебрежительно усмехнуться, посчитав меня нахальной девчонкой, или просто отвести взгляд, но продолжал смотреть мне в глаза довольно долго, настолько долго, что по моему телу пробежал холодок, хотя в помещении стоял теплый спертый воздух.

– Я знаю тебя, – сказал он наконец. – Ты младшая дочь старого Сакамото.

Даже мне, ребенку, было ясно, что господин Танака видел мир вокруг себя таким, каков он есть на самом деле. У него никогда не было удивленного взгляда, как у моего отца. Мне казалось, он замечает смолу, вытекающую из стволов сосен, и светлый круг в небе, в котором угадывается солнце, заслоненное облаками, и живет в отличие от многих в видимом и осязаемом мире. Я знала, он видел деревья, и грязь, и детей на улицах, вот только у меня не было никакого основания думать, что он когда-либо замечал меня.

Возможно, поэтому, когда он заговорил со мной, я от неожиданности расплакалась. Господин Танака приподнял и посадил меня. Я подумала, что он хочет отправить меня домой, но вместо этого он сказал:

– Не глотай кровь, моя хорошая. Ты же не хочешь, чтобы у тебя образовался камень в желудке? Я бы на твоём месте сплевывал ее на пол.

– Вы предлагаете девчонке сплевывать кровь в том месте, где мы держим рыбу? – возмутился один из рыбаков.

Рыбаки очень суеверны. Особенно они не любят, когда женщины касаются всего, что имеет отношение к рыбе и ее добыче. Однажды утром рыбак из нашей деревни, увидев свою дочь играющей в его лодке, избил ее палкой, а затем протер лодку сакэ. Но даже этого ему показалось недостаточно. Он пригласил священника и освятил лодку. И все это только потому, что его маленькая дочь немного поиграла там, где лежала пойманная им рыба. А сейчас господин Танака предлагал мне сплевывать кровь на пол в комнате, где чистили рыбу.

– Если вы боитесь, что ее плевки могут смыть рыбы кишки, – сказал господин Танака, – возьмите их домой. У меня их еще много.

– Дело не в рыбьих кишках, господин.

– Я могу вас заверить, ее кровь – самое чистое из всего побывавшего на этом полу, с тех пор как мы с вами родились. Так что давай, – сказал господин Танака, на этот раз обращаясь ко мне, – сплевывай.

Я в растерянности сидела на скользком столе и не знала, как поступить. С одной стороны, я боялась послушаться господина Танака, но с другой – не могла набраться смелости сплюнуть на пол. Ситуацию разрядил один из присутствующих мужчин, который закрыл одну ноздрю пальцем и высморкался на пол. От отвращения, не в силах больше удерживать что-либо во рту, я выплюнула кровь. Все мужчины, кроме помощника господина Танака по имени Суджи, с неприязнью отвернулись и вышли из комнаты. Господин Танака велел Суджи привести доктора Миура.

– Я не знаю, где его искать, – сказал Суджи, но, как мне показалось, он просто не хотел мне помочь.

Я сказала господину Танака, что доктор совсем недавно был у нас дома.

– А где твой дом? – спросил господин Танака.

– Это маленький «подвыпивший» домик на скалах.

– Что значит «подвыпивший»?

– Просто он стоит, склонившись на один бок, словно много выпил.

Господин Танака явно не представлял, как можно воспользоваться этой информацией.

– Итак, Суджи, иди к «подвыпившему» дому Сакамото и посмотри, там ли доктор Миура. Думаю, тебе не составит труда его найти. Прислушивайся к звукам, и если услышишь крики, то скорее всего это доктор Миура осматривает своего пациента.

Я думала, отправив помощника за доктором, господин Танака вернется к своей работе, но вместо этого он долго стоял около стола и внимательно смотрел на меня. Я почувствовала, как у меня начинает гореть лицо. Наконец он произнес слова, показавшиеся мне очень умными:

– Зато у тебя на лице теперь появился баклажан, маленькая дочь Сакамото.

Он подошел к столу, достал из ящика маленькое зеркальце и протянул его мне. Мои губы опухли, посинели и стали похожими на баклажан.

– Но что меня действительно интересует, – продолжал он, – так это откуда у тебя такие необыкновенные глаза и почему ты совсем не похожа на отца?

– У меня мамины глаза, – ответила я, – а лицо отца до такой степени покрыто морщинами, что я и не знаю, как он на самом деле выглядит.

– Когда-нибудь у тебя тоже появятся морщины.

– Но некоторые морщины – его заслуга. Его затылок такой же старый, но гладкий, как яйцо.

– Не очень хорошо так говорить об отце, но я полагаю, все это правда.

Его следующие слова вогнали меня в краску.

– Тогда скажи, как старый морщинистый человек с яйцом вместо головы может иметь такую красивую дочь?

Годы спустя меня называли красивой так часто, что я даже не помню, кто и когда это делал, ведь гейш всегда называют красивыми независимо от того, являются они таковыми или нет. Но тогда я еще не знала о существовании гейш, и когда господин Танака сказал мне, что я красива, я поверила в это.

После того как доктор Миура подлечил мои губы, я купила ладан, за которым послал меня отец, и возвращалась домой в состоянии невероятного возбуждения. Я даже не могла вообразить, что во мне, как в муравейнике, может развиваться такая активность. Мне, наверное,

было бы легче, если бы я сосредоточилась на чем-то одном, но мне это не удавалось. Меня мотало из стороны в сторону, как лист бумаги на ветру. Между грустными мыслями о маме, о разбитых губах роились приятные мысли о господине Танака. Я пошла к скалам и долго смотрела на море, где даже после шторма волны напоминали острые камни, а небо приобрело коричневатый цвет грязи. Убедившись, что никто меня не видит, я прижала ладан к груди и стала произносить имя господина Танака до тех пор, пока оно не зазвучало, как некая прекрасная мелодия. Я понимаю, как глупо это выглядит, да это и в самом деле было глупо. Но чего вы хотите от маленькой смущенной девочки?

После ужина отец пошел в деревню посмотреть на игру рыбаков в японские шахматы, а мы с Сацу молча убирались на кухне. Я пыталась вспомнить чувства, вызванные во мне господином Танака, но холодная, унылая атмосфера нашего дома отгоняла все приятные воспоминания, и ко мне опять вернулись леденящие мысли о смерти мамы. Интересно, как скоро мама окажется на деревенском кладбище рядом с первой семьей моего отца? Что станет после этого со мной? Мне казалось, что после маминой смерти Сацу займет ее место. Я взглянула на сестру, старательно оттиравшую кастрюлю от остатков супа. Она могла смотреть на предмет и не видеть его. Вот и сейчас она продолжала оттирать давно уже чистую кастрюлю. Наконец я сказала ей:

– Сацу-сан, я себя не очень хорошо чувствую.

– Выйди на улицу и погрейся в ванне, – сказала она и убрала мокрой рукой с глаз свои непослушные волосы.

– Но я не хочу принимать ванну, – возразила я. – Сацу, мама скоро умрет...

– В этой кастрюле трещина. Посмотри!

– Да нет в ней трещины, – ответила я. – Это просто царапина, и она всегда на ней была.

– Но тогда почему кастрюля пропускает воду?

– Ты ее выплеснула, я сама видела.

В этот момент на лице Сацу обозначилось выражение крайнего замешательства. Она молча взяла кастрюлю и направилась к двери с намерением выбросить ее.

Глава 2

На следующее утро, пытаясь немного развеяться, я пошла поплавать в пруду, расположенном недалеко от нашего дома. В хорошую погоду деревенские дети отправлялись сюда почти каждое утро. Сацу тоже иногда ходила на пруд, надевая на себя купальник, скроенный на скорую руку из старой отцовской одежды. Наряд выглядел не лучшим образом, и когда она наклонялась, ее грудь сильно обнажалась. Один из мальчишек даже съязвил:

– Смотрите, перед вами гора Фудзи!

Но у нее не было ничего другого, и она продолжала его носить.

Около полудня я отправилась домой перекусить. Сацу ушла с пруда гораздо раньше с сыном помощника господина Танака, за которым она бегала как собачонка. Если он куда-нибудь шел, то оборачивался и смотрел через плечо, давая понять, что она тоже может идти, и она всегда следовала за ним. Я не ожидала увидеть ее раньше ужина, но она стояла, прислонившись спиной к дереву, на тропинке, ведущей к дому. Если бы вы увидели то, что представало перед моими глазами, сразу бы поняли, в чем дело, но я тогда была еще слишком мала. Купальник Сацу болтался где-то на уровне плеч, и сын Суджи играл ее «горами Фудзи», как их называли мальчишки.

С тех пор как мама заболела, сестра сильно поправилась. Ее груди стали такими же неуправляемыми, как и волосы. И меня больше всего поражало, что именно их неуправляемость привлекала сына Суджи более всего. Он тряс их рукой, оттягивал в сторону и смотрел, как они возвращаются в исходное положение. Я знала, подсматривать неприлично, но как преодолеть препятствие, возникшее на тропинке, ведущей к дому? Неожиданно у меня за спиной прозвучал мужской голос:

– Чио-сан, почему ты сидишь на корточках под деревом?

Можете себе представить, во что была одета возвращавшаяся с пруда маленькая девятилетняя девочка с неразвитыми формами, которой еще нечего было скрывать одеждой от посторонних глаз.

Когда я обернулась, продолжая сидеть на корточках на тропинке, но прикрыв руками, насколько возможно, свою наготу, то увидела господина Танака. Вряд ли кто-нибудь другой в тот момент мог так смутить меня.

– Это, видимо, и есть твой «подвыпивший» домик? – спросил он, указывая вперед. – А этот парень похож на сына Суджи. Он явно очень занят. А кто эта девочка рядом с ним?

– Это моя сестра, господин Танака. Я жду, когда они уйдут.

Господин Танака громко крикнул. Сын Суджи, а вслед за ним и сестра убежали.

– Путь свободен, – сказал господин Танака, – можешь идти домой и одеться. Когда увидишь свою сестру, передай ей, пожалуйста, вот это.

Он протянул мне завернутый в рисовую бумагу пакет размером с рыбью голову.

– Это китайские травы, – сказал он. – Не верь доктору Миура, если он скажет об их бесполезности. Пусть твоя сестра добавит травы в чай для матери. Это облегчит ее боль. Они действительно очень ценные. Старайтесь тратить их разумно.

– В таком случае я лучше все сделаю сама. Моя сестра не очень хорошо готовит чай.

– Доктор Миура рассказал мне о тяжелой болезни твоей матери, – сказал господин Танака. – Теперь ты говоришь мне, что твоей сестре нельзя доверить даже приготовление чая! Ведь ваш отец очень стар, что же будет с тобой, Чио-сан? А кто заботится о тебе сейчас?

– Я могу позаботиться о себе сама.

– Я знаю одного человека, сейчас он гораздо старше тебя, но когда он был мальчишкой примерно твоих лет, у него умер отец. На следующий год умерла и мать, а единственный старший брат убежал в Осака и оставил его одного. Чем-то похоже на твою историю, не правда

ли? – И он окинул меня взглядом, не терпящим возражений. – Имя этого человека Танака Ичиро, – продолжал он. – Да, это я... Хотя тогда меня звали Мориаши Ичиро. Меня взяли в семью Танака в двенадцатилетнем возрасте. Прошло какое-то время, я женился на их дочери, и они меня усыновили. Теперь я веду семейный бизнес, руковожу Компанией морепродуктов. И можно сказать, в конце концов у меня все сложилось нормально. Возможно, что-то подобное произойдет и с тобой.

На какое-то мгновение мой взгляд остановился на господине Танака: обильная седина в волосах, складки между бровями, как бороздки на коре дерева... Он казался мне мудрейшим и самым знающим на земле человеком. Я верила, что ему известно то, о чем я никогда не узнаю, что мне никогда в жизни не быть такой же элегантной, как он, что мне никогда не доведется надевать ничего похожего на его голубое кимоно. Я же сидела перед ним голая, с грязными колготками и лицом, со спутанными волосами и с кожей, пахнувшей тинной.

– Я думаю, вряд ли кто-нибудь согласится удочерить меня, – сказала я.

– Ты так думаешь? Но ты же неглупая девочка, разве не так? Ты называешь свой дом «подвыпившим», голову отца сравниваешь с яйцом...

– Но она действительно похожа на яйцо!

– Тем не менее так не очень хорошо говорить. Ну а теперь беги, Чио-сан. Ты же хочешь пообедать, не так ли? Если твоя сестра сварила суп, ты сможешь лечь на пол и выпить то, что она расплескала.

С тех пор я стала мечтать, что господин Танака удочерит меня, и мне от этого становилось чуть легче. Я была готова ухватиться за все, что обещало мне спокойную жизнь. В особенно тяжелые для меня минуты я мысленно возвращалась к случаю, произошедшему задолго до болезни мамы. Однажды – мне было тогда около четырех лет – мы с мамой пошли на деревенский праздник *обон*, посвященный духам умерших. После нескольких вечеров церемоний на кладбище и разведения костров у входов в дома все собрались на заключительное действо праздника около святилища Синто. Двор святилища украшали бумажные фонарики, подвешенные к деревьям. Вместе со всеми мы танцевали под звуки барабана и флейты. В конце концов я устала, мама посадила меня на колени и стала укачивать, но внезапно налетел ветер, и один из фонариков загорелся. Мы увидели, как пламя загло веревку, на которой он висел, фонарик опустился вниз, и ветер покатило его прямо на нас. Потом огненный шар, казалось, закрепился на земле, но новый порыв ветра опять погнал его в нашу сторону. Мама поставила меня на землю и руками попыталась потушить огонь. На какое-то мгновение мы оказались объаты языками пламени, но потом они переметнулись на деревья и там перегорели, и никто, даже мама, не пострадал.

Через неделю или чуть больше, когда мои фантазии об удочерении почти созрели, придя вечером домой, я застала господина Танака и отца сидящими за столом друг напротив друга. Я поняла, они говорят о чем-то серьезном, так как мое появление осталось ими не замеченным. Я застыла, прислушиваясь.

– Итак, Сакамото-сан, как ты относишься к моему предложению?

– Не знаю, господин, – ответил отец. – Не могу представить, чтобы девочки жили где-нибудь еще.

– Я понимаю, но всем вам так будет гораздо лучше. Пусть они придут в деревню завтра во второй половине дня.

После этих слов господин Танака направился к выходу. Мы столкнулись в дверях, и я сделала вид, будто только вошла.

– Я говорил с твоим отцом о вас, Чио-сан, – сказал он мне. – Я живу напротив горы в городе Сензуру. Он больше, чем Йоридо, и, думаю, тебе понравится. Почему бы вам с Сацу-

сан не приехать ко мне завтра? Вы бы посмотрели мой дом и познакомились с моей маленькой дочкой. Может, остались бы на ночь. Всего на одну ночь, а после этого я привезу вас домой. Как ты к этому относишься?

Я сказала, что это замечательно. И всем своим видом показала: никто еще не предлагал мне ничего подобного. Это предложение вызвало целую бурю эмоций, и мне долго не удавалось собраться с мыслями. Конечно, это правда, с одной стороны, я отчаянно надеялась, что господин Танака удочерит меня после смерти мамы, но с другой – испытывала страх. Я стыдилась, что позволила себе мечтать, будто могу жить где-нибудь еще, кроме нашего «подвыпившего» домика. После ухода господина Танака, безуспешно пытаясь занять себя работой на кухне, я, как Сацу, с трудом различала предметы. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я услышала похожие на плач звуки, издаваемые отцом, которые заставили меня покраснеть от стыда. Когда же я нашла в себе силы выйти к нему, то увидела его около двери.

На следующий день, перед встречей с господином Танака, я помылась, старательно отчищая свои грязные лодыжки. Потом сидела, смотрела на море и чувствовала себя при этом очень независимой, ведь скоро я увижу кусочек мира за пределами нашей небольшой деревни, и произойдет это впервые в моей жизни.

Когда мы с Сацу подошли к Компании морепродуктов, рыбаки выгружали свою добычу на пирс. Отец работал вместе с ними, сгребая рыбу своими костлявыми руками и бросая ее в корзины. В какое-то мгновение он посмотрел в нашу сторону и вытер лоб рукавом своей рубашки. Черты его лица в этот раз показались мне еще более тяжелыми, чем обычно. Рабочие носили полные корзины с рыбой и расставляли их в конце повозки господина Танака. Забравшись в повозку, я наблюдала за происходящим. Почти все рыбыны лежали с вытаращенными остекленевшими глазами, но некоторые из них открывали рот, и мне казалось, будто они просят о помощи. Я старалась подбодрить их словами:

– Вы едете в город Сензуру, маленькие рыбки! Все будет хорошо.

В том, чтобы говорить им правду, я не видела никакого смысла.

Спустя какое-то время господин Танака вышел на улицу и велел мне и Сацу залезать вместе с ним на сиденье повозки. Я оказалась посередине, достаточно близко к господину Танака, чтобы чувствовать фактуру ткани его кимоно, и от этого покраснела. Сацу смотрела все время на меня, но, похоже, она ни о чем не догадывалась, сохраняя обычное для нее слегка рассеянное выражение лица.

Я все время оглядывалась назад, на рыбу, бултыхавшуюся в корзинах. Когда же, покидая Йоридо, мы начали взбираться на горный кряж, под колесо попал крупный камень, и повозку на мгновение сильно наклонило в одну сторону. Морской окунь вылетел на дорогу и, сильно ударившись о землю, ожил. Видеть его, извивающегося и задыхающегося, оказалось выше моих сил. Я отвернулась со слезами на глазах, и хотя старалась скрыть их от господина Танака, он их заметил. Он подобрал рыбу, опять сел рядом с нами и спросил меня, что случилось.

– Бедная рыбка! – сказала я.

– Ты прямо как моя жена. Обычно ей привозят уже почти мертвую рыбу, но когда она готовит краба или кого-нибудь еще и они оказываются живы, ее глаза увлажняются, и она начинает петь для них.

И господин Танака обучил меня маленькой песенке, хотя она скорее была похожа на молитву, сочиненную, как я думаю, его женой. Она пела ее крабам, но мы изменили слова так, чтобы она подходила рыбе:

Маленький окунь, о, маленький окунь!
Спеши достичь состояния Будды!

Затем он обучил меня еще одной песенке, колыбельной, которую я тоже никогда раньше не слышала. Мы спели ее камбале, одиноко лежавшей в низкой корзине и вертевшей своими глазами-пуговицами.

Засыпай, хорошая камбала!
Когда все спят —
Даже птицы и овцы
В садах и полях,
Звезды этим вечером
Разольют свой серебряный свет
В окна.

Мы поднялись на вершину, и перед нами предстал город Сензуру. Стоял серый день, небо затянули облака. Это был мой первый взгляд на мир за пределами Йоридо, и я поняла, что не много потеряла. Я видела соломенные крыши города вокруг бухты посреди глупых холмов, а за ними – море цвета металла. Вдалеке от моря ландшафт мог бы выглядеть привлекательно, если бы не колеи, пролежавшие по нему, как шрамы.

Город Сензуру оказался грязным и вонючим. Даже от океана шел отвратительный запах, как будто в нем разлагалась рыба. Вокруг пирса плавали гнилые овощи, как медузы около нашей деревни. Поцарапанные и потрескавшиеся лодки выглядели будто после сражения друг с другом.

Мы с Сацу долго сидели на пирсе, пока не подошел господин Танака и не позвал нас в главное здание Японской береговой компании морепродуктов. Мы прошли по длинному коридору, в котором так сильно пахло рыбьими кишками, словно мы находились во чреве рыбы. Но в конце коридора располагался офис, и он мне очень понравился. Перед нами оказалась ступенька, ведущая к возвышению, покрытому ковриками татами. Наверное, именно это понравилось мне прежде всего, ведь возвышающийся пол всегда производит величественное впечатление. В любом случае лучше комнаты я до этого дня не видела. Теперь мне смешно от одной мысли, что офис оптового торговца рыбой в небольшом городишке на Японском море мог на кого-либо произвести подобное впечатление.

На возвышении, на диванных подушках, восседала женщина, которая при виде нас встала, спустилась вниз и удобно расположилась на коленях. Она была очень старой, выглядела раздраженной, и, я думаю, вам вряд ли доводилось встречать более беспокойного человека. Если она не теребила свое кимоно, то вытирала уголки глаз или терла нос, но при этом всем своим видом показывала, как ей неудобно совершать столько ненужных движений.

Господин Танака сказал ей:

– Это Чио-сан и ее старшая сестра Сацу-сан.

Я слегка поклонилась, а Госпожа Беспокойство кивнула мне в ответ. Потом она тяжело вздохнула и принялась теребить бородавку на шее. Я попыталась отвести взгляд, но ее глаза пристально изучали меня.

– Итак, тебя зовут Сацу-сан? – спросила она, продолжая рассматривать меня.

– Сацу – это я, – сказала сестра.

– Когда ты родилась?

Сацу продолжало казаться, что Госпожа Беспокойство обращается ко мне, поэтому я ответила за нее:

– Она родилась в год Быка.

Старуха протянула руки и дотронулась до меня. Причем сделала это очень странным образом – толкнула меня несколько раз пальцами в щеки, но по выражению ее лица я поняла – это доброжелательный жест.

– Эта девочка очень хорошенькая, не правда ли? Такие необычные глаза! К тому же она умна, это сразу видно. Вы только посмотрите на ее лоб!

Тут она повернулась к моей сестре и сказала:

– Так, хорошо. Год Быка, пятнадцать лет от роду, планета Венера, шесть, белый цвет... Подойди чуть ближе.

Сацу подошла. Госпожа Беспокойство принялась изучать ее лицо не только глазами, но и подушечками пальцев. Долгое время она под разными углами рассматривала нос и уши Сацу, несколько раз ущипнула ее за мочки, после чего дала понять, что с Сацу она закончила, и повернулась ко мне.

– Ты родилась в год Обезьяны, я могла бы сказать об этом, лишь взглянув на тебя. Как же много воды в твоей сущности! Восемь, белый цвет, планета Сатурн. Ты очень привлекательная девочка. Подойди ко мне.

Теперь она начала проделывать со мной то же самое, что и с Сацу: щипать мочки ушей и тому подобное. Я невольно подумала, что делает она это теми же пальцами, которыми теребила свою бородавку на шее. Осмотрев нас, она подала господину Танака некий понятный только ему знак, и он вышел, закрыв за собой дверь. Госпожа Беспокойство развязала Сацу рубашку и сняла ее. Она поворачивала ее, поднимала ей руки, осматривала спину. Я оцепенела. Конечно, я видела Сацу обнаженной и раньше, но то, каким образом Госпожа Беспокойство осматривала мою сестру, показалось мне более бесстыдным, чем когда Сацу раздевалась перед сыном Суджи. Потом она приспустила штаны Сацу и осмотрела ее, повернув несколько раз.

– Сними трусы, – велела она.

По выражению лица Сацу было понятно, насколько она сконфужена, но тем не менее она сняла трусы. Госпожа Беспокойство взяла ее за плечи и посадила на возвышение. Сацу оказалась совершенно голая. Уж она-то точно не представляла себе, почему должна проходить через все это. Но у нее не было времени задать себе эти вопросы. Госпожа Беспокойство уже разводила ее колени, а затем, ни минуты не колеблясь, засунула свою руку между ног Сацу. Я больше не могла смотреть на них. Думаю, Сацу сопротивлялась, потому что Госпожа Беспокойство закричала, и в это же время послышался громкий шлепок – она ударила Сацу по ноге, на которой позже я увидела красный след. Потом старуха велела Сацу одеться. Сестра всхлипывала, но я не решалась смотреть в ее сторону.

То же самое Госпожа Беспокойство проделала и со мной. В мгновение ока она спустила мне штаны, развела мои ноги и шлепнула меня для острастки, как и Сацу, видимо, чтобы я не сопротивлялась, от чего мне очень захотелось плакать. Она запустила палец между моими ногами, и я ощутила что-то вроде очень сильного щипка. Когда она велела мне одеваться, я чувствовала себя дамбой, которой приходится удерживать реку. Но я боялась заплакать, как малое дитя, стараясь не оплошать в глазах господина Танака.

– Девочки здоровы, – сказала она вернувшемуся в комнату господину Танака, – и подходят по всем статьям. Обе они нетронуты. У старшей больше дерева, а у младшей много воды. Очень приятная девочка, правда же? Ее старшая сестра выглядит крестьянкой рядом с ней.

– Я считаю, они обе очень симпатичные девочки, каждая по-своему, – сказал он. – Давай я тебя провожу, и мы все по дороге обсудим. Девочки ждут меня здесь.

Когда господин Танака вышел, я обернулась к Сацу. Она сидела на краю возвышения и смотрела в потолок. Из-за необычной формы лица слезы собрались у нее над ноздрями, и я разрыдалась сама, увидев ее расстроенной. Я считала себя виновной в случившемся и вытерла ее лицо уголком своей рубашки.

– Кто эта ужасная женщина? – спросила она меня.

– Должно быть, предсказательница. Возможно, господин Танака хочет знать о нас как можно больше...

– Но почему она осматривала нас таким ужасным образом?

– Сацу-сан, неужели ты не понимаешь? Господин Танака хочет удочерить нас. Услышав это, она заморгала, будто ей в глаз попал какой-то жучок.

– О чем ты говоришь, господин Танака не может удочерить нас.

– Но отец так стар... и теперь, когда наша мама больна, я думаю, господин Танака беспокоится о нашем будущем. Ведь о нас некому будет позаботиться.

От этих слов Сацу оцепенела. Я видела, как она пытается убедить себя, что ничего не изменится и мы по-прежнему будем жить в нашем «подвыпившем» домике. Она, как из губки, понемногу выжимала из меня всю информацию, и постепенно ее лицо снова разгладилось, и она уже оглядывала комнату так, словно никакого разговора не было.

Дом господина Танака стоял в конце улицы, на краю города. Его окружали вековые сосны, насыщающие воздух ароматом так же сильно, как и океан у нашего дома. И когда я думала, смогла бы я променять один запах на другой, внутри у меня образовывалась пустота. Это все равно что, сойдя со скалы, окаменеть и стать ее частью. Дом оказался самым большим в Сензуру, с многочисленными карнизами, как в нашем деревенском святилище. У входа господин Танака оставил свою обувь на специально предназначенной для этого полочке. Нам с Сацу снимать было нечего. Вдруг я почувствовала сзади легкий удар, и сосновая шишка упала мне под ноги. Я обернулась и увидела маленькую пышноволосую девочку примерно моего возраста, прячущуюся за сосной. Она выглянула, улыбнулась мне и побежала, оглядываясь через плечо, приглашая меня присоединиться к ее игре. Возможно, это прозвучит странно, но я никогда раньше не знакомилась с какой-либо девочкой. Конечно, я знала девочек в нашей деревне, но мы вместе выросли и никогда не сталкивались с тем, что можно было бы назвать знакомством. Но Кунико – так звали дочь господина Танака – оказалась настолько приветливой, что переход из одного мира в другой больше не представлялся мне сложным.

Я босиком гонялась за ней по лесу, пока не поймала ее в домике для игр, сооруженном из сухих веток и разделенном камнями и шишками на комнаты. В одной из них она изображала, будто готовит мне чай в треснувшей чашке, в другой мы по очереди нянчили Таро – ее игрушечную куклу, сделанную из мешка, набитого мусором. Таро хорошо относился к незнакомцам, но очень боялся червей, как, впрочем, и Кунико. Наткнувшись на червяка, она попросила меня вынести его из домика, и бедный Таро с ее помощью заплакал.

Как мне хотелось, чтобы Кунико стала моей сестрой! Величественные сосны, их запах и даже господин Танака – все начало казаться мне не важным по сравнению с этим желанием.

Разница между жизнью в доме господина Танака и жизнью в Йоридо оказалась такой же огромной, как между запахом приготовляемой пищи и вкуснейшей едой во рту.

Когда стемнело, мы вымыли руки и ноги в роднике, вошли в дом и сели на полу вокруг квадратного стола. Меня поразило, что пар от приготовляемой еды поднимался до потолка, а над нашими головами висели электрические лампочки. Вскоре слуги принесли наш ужин: жареного морского окуня, соленья, суп и приготовленный на пару рис, но в тот момент, когда мы начали есть, погас свет. Господин Танака засмеялся, видимо, подобное случалось довольно часто. Слуги стали зажигать висевшие на деревянных треногах фонарики.

За едой царило молчание. Я представляла себе госпожу Танака очаровательной женщиной, но она выглядела как состарившаяся копия Сацу, правда, более улыбчивая. После ужина она и Сацу стали играть в шашки го, а господин Танака встал и попросил слугу принести ему кимоно. Когда он ушел, Кунико жестом позвала меня за собой. Я спросила ее, куда мы идем.

– Тихо! – сказала она. – Мы пойдем за моим отцом. Я это делаю всегда, когда он выходит из дому. Это мой маленький секрет.

Мы прошли по переулку и вышли на главную улицу Сензуру, следуя на некотором расстоянии за господином Танака, и через несколько минут оказались у дома с освещенными изнутри окнами, закрытыми бумажными жалюзи. Кунико прильнула к щелке в одном из жалюзи. Из

дома доносились смех, разговоры и пение. Через некоторое время она отошла от окна, и я смогла увидеть господина Танака, сидящего на циновке в окружении четырех мужчин. Один из этих мужчин рассказывал историю о том, как он держал лестницу молодой женщине и мог видеть все, что было у нее под платьем. Все, кроме господина Танака, смеялись, он же смотрел прямо перед собой в угол комнаты, загороженный ширмой. Пожилая женщина подошла к нему со стаканом и налила пива. Я не понимала, почему все, даже старуха, разливающая пиво, смеялись, а господин Танака оставался серьезным и продолжал смотреть все туда же. Я оторвалась от щелки, повернулась к Кунико и спросила, что это за место.

– Это чайный дом, – сказала она, – где гейши развлекают мужчин. Мой отец приходит сюда почти каждый вечер. Не знаю, почему ему здесь так нравится. Женщины разливают напитки, а мужчины рассказывают истории, иногда они вместе поют, а вечером все уходит подвыпившие.

Я опять стала смотреть в щелку и увидела, как по стене скользнула чья-то тень и появилась женщина, одетая в мягкое розовое кимоно, расписанное белыми цветами. Широкий пояс золотисто-желтого цвета окаймлял ее талию, а волосы украшали живые лилии. Я никогда не видела такой элегантной одежды. Никто из женщин Йоридо не носил ничего более нарядного, чем холщовое платье, ну, в лучшем случае льняное, украшенное простым орнаментом цвета индиго.

Но в отличие от одежды сама женщина оказалась совсем не так привлекательна. Ее зубы настолько сильно выдавались вперед, что губы даже не закрывали их. Голова была такой узкой, что я даже подумала, не зажимали ли ее в детстве между двумя досками. Вы можете подумать, я несправедлива к ней. Но меня просто поразили господин Танака, не отрывавший глаз от женщины, которую никто бы не назвал красивой. Господин Танака продолжал смотреть на нее, в то время как все остальные смеялись, а когда она, доливая пиво, наклонилась к нему, по ее взгляду стало понятно – они очень хорошо знали друг друга.

Теперь наступила очередь Кунико наблюдать в щелку за происходящим. Удовлетворив свое любопытство, мы пошли домой и какое-то время сидели в ванне на опушке соснового леса под небом, сплошь усыпанным звездами. Я могла бы очень долго просидеть в ванне, глядя в небо и размышляя над событиями, случившимися со мной за этот день. Но Кунико разморила горячая вода, она захотела спать, и слуги забрали нас в дом.

Сацу уже посапывала, когда мы с Кунико ложились спать. Мы тесно прижались друг к другу и взялись за руки. Счастье переполняло меня, и я прошептала Кунико:

– Ты знала, что я буду жить с тобой?

Я думала, мой вопрос настолько удивит ее, что она откроет глаза или даже сядет на кровати. Но мой вопрос не вырвал ее из объятий сна, я услышала ровное дыхание спящего человека.

Глава 3

Когда мы вернулись домой, мама, как мне показалось, стала выглядеть еще хуже. Хотя, возможно, я просто забыла, насколько плохо она выглядела. Дом господина Танака наполняли запахи табака и смолы, наш же пропитался запахом ее болезни до такой степени, что это даже трудно передать. Во второй половине дня Сацу работала в деревне, и госпожа Суджи пришла помочь мне искупать маму. Мы вынесли ее из дома, и я обратила внимание, что грудная клетка у нее гораздо шире плеч, а белки глаз мутные. Было невыносимо больно смотреть на нее. У меня перед глазами стояла сцена нашего с ней купания, когда она была сильной и здоровой. Я не могла представить, что женщина, чью спину я часто терла пемзой и чье тело мне всегда казалось более крепким и гладким, чем у Сацу, должна этим летом умереть.

Ночью, лежа на кровати, я попыталась рассмотреть возникшую ситуацию со всех сторон, убеждая себя в том, что все, так или иначе, будет хорошо. Прежде всего я представила, как мы будем жить без мамы. Даже если мы выживем и господин Танака удочерит нас, сохранится ли наша семья? Наконец мне пришла в голову мысль, что господин Танака не только удочерит нас с Сацу, но и возьмет к себе в дом нашего отца. В конце концов, он же не сможет допустить, чтобы отец жил один. Обычно я не засыпала до тех пор, пока не убеждала себя в реальности своих фантазий. Самовнушение в тот раз давалось мне с таким трудом, что я несколько недель почти не спала и ходила как в тумане.

Однажды жарким летним утром, возвращаясь из деревни, я вдруг услышала позади себя шум и, оглянувшись, увидела господина Суджи, бегущего по тропинке. Когда он, раскрасневшийся и запыхавшийся, догнал меня, то какое-то время переводил дыхание и наконец сказал:

– Господин Танака велел тебе с сестрой... прийти в деревню... как можно скорее.

Утром мне показалось странным, что отец не пошел рыбачить. Теперь я поняла: сегодня должно свершиться *это*.

– А как же мой отец? – спросила я. – Господин Танака ничего не сказал о нем?

– Давай пошли, Чио-сан, – сказал он мне. – Иди найди свою сестру.

И хотя мне это и не понравилось, я все равно побежала к дому. Отец сидел за столом, выковыривая ногтем грязь из ложбинки в деревянной столешнице. Сацу подбрасывала в печь куски древесного угля. Казалось, они оба ожидают чего-то страшного.

Я нарушила молчание:

– Отец, господин Танака ждет нас с Сацу в деревне.

Сацу сняла свой фартук, повесила его на крючок и вышла за дверь. Отец не ответил. Он смотрел в ту точку, где только что была Сацу, затем перевел взгляд и кивнул. В этот момент в соседней комнате вскрикнула во сне мама.

Сацу уже почти дошла до деревни, когда я догнала ее. Мысленно я представляла себе этот день много раз и уже давным-давно, но не думала, что мною овладеет такой страх. Казалось, для Сацу этот поход в деревню ничем не отличался от любого другого. Она даже не стряхнула с рук золу и, поправляя волосы, испачкала ею свое лицо. Мне не хотелось, чтобы господин Танака увидел ее в таком виде, я подошла и попыталась стереть золу с лица, но Сацу отвела мою руку.

Подойдя к зданию Компании, я поклонилась и поздоровалась с господином Танака, ожидая, что он обрадуется нашему появлению, но неожиданно для меня он держался очень холодно. И я впервые подумала о возможности развития событий совсем не так, как я себе это представляла. Когда господин Танака посадил нас в повозку, я решила, что мы едем к нему домой, где его жена и дочь тоже смогут присутствовать при нашем удочерении.

– Господин Суджи поедет впереди со мной, – сказал он, – а ты и Шизу-сан садитесь сзади.

Именно так и сказал: Шизу-сан. Меня обидело, что он так переврал имя моей сестры, но она этого даже не заметила. Она залезла в дальний угол повозки и села среди пустых корзин из-под рыбы, положив свою ладонь на покрытую слизью поверхность, и потом этой же рукой согнала с лица муху. Я не могла относиться к слизи так же спокойно, как Сацу, и ни о чем не могла думать, кроме как о противном запахе и о том, как хорошо будет в доме господина Танака вымыть руки и даже постирать одежду.

За всю поездку мы с Сацу не проронили ни слова, и только когда повозка перевалила за холм и стал виден Сензуру, Сацу неожиданно воскликнула:

– Поезд!

Я выглянула из повозки в надежде увидеть где-нибудь вдалеке направляющийся в город поезд, но вдруг поняла, что мы едем вовсе не к дому господина Танака.

Повозка подъехала к железнодорожным путям на окраине города и остановилась. В окружении мешков и корзин толпился народ. В толпе я заметила Госпожу Беспокойство рядом с очень стройным человеком в кимоно, с мягкими и черными, как кошачья шерсть, волосами. В руке он держал сумку с одеждой и заметно выделялся среди рыбаков и фермеров с корзинами. Госпожа Беспокойство что-то сказала ему, и он стал присматриваться к нам, а я вдруг поняла, что боюсь его.

Господин Танака представил нас этому человеку, назвав его Бэкку. Господин Бэкку молча пристально посмотрел на меня и с некоторым недоумением, как мне показалось, на Сацу.

Господин Танака сказал ему:

– Я взял с собой Суджи из Йоридо. Может, ты хочешь, чтобы он поехал с вами? Он знает девочек, а я спокойно могу отпустить его на пару дней.

– Нет-нет, – отмахнулся господин Бэкку.

Я, конечно, не ожидала такого поворота событий и попыталась спросить, куда мы едем. Но казалось, никто не хотел меня слушать, поэтому я задала этот же вопрос себе. Я решила, что господина Танака не удовлетворили слова, сказанные о нас Госпожой Беспокойство, и он решил отправить нас с этим до смешного узким человеком прояснить нашу судьбу, после чего мы опять вернемся к нему.

Пока я мысленно старалась успокоить себя, Госпожа Беспокойство с приятной улыбкой повела нас с Сацу вперед по грязной платформе. Когда мы оказались на таком расстоянии от других, что нас нельзя было услышать, улыбка исчезла с ее лица, и она сказала:

– Теперь послушайте меня. Вы обе гадкие девчонки! – Она оглянулась, убедилась, что никто нас не видит, и влепила нам обеим подзатыльники. Я вскрикнула, скорее от неожиданности, чем от боли. – Если вы меня подведете, – продолжала она, – я заставлю вас за все заплатить. Господин Бэкку очень строг, вы должны слушаться его во всем. Если он прикажет вам заползти под сиденья в вагоне, вы беспрекословно выполните даже это. Понятно?

По выражению лица Госпожи Беспокойство я поняла, что должна ей ответить, иначе она опять меня ударит, но от испуга потеряла дар речи. Как я и предполагала, она протянула руку и принялась так больно щипать меня за шею, что мне показалось, будто я попала в трубу с некими существами, кусающими меня куда попало. Я не выдержала и захныкала. Спустя какое-то время подошел господин Танака.

– Что происходит? – спросил он. – Если вы хотите еще что-то сказать этим девочкам, делайте это в моем присутствии. У вас нет оснований так обращаться с ними.

– Я могу еще очень много им сказать, но поезд уже подъезжает, – ответила Госпожа Беспокойство.

И действительно, из-за поворота появился поезд.

Господин Танака отвел нас на платформу, где засуетившиеся люди принялись собирать свои вещи. Вскоре подъехал поезд и остановился перед нами. Господин Бэкку в своем жестком кимоно вклинился между Сацу и мной и ввел нас под локти в вагон. Я услышала, как господин

Танака что-то сказал нам напоследок, но была так расстроена, что не расслышала его напутствия. Может, это было:

Мата но! – «Мы снова встретимся!»

Или:

Матте йо! – «Ждите!»

Или даже:

Ма...дею! – «Что ж, езжайте!»

Когда я выглянула из окна, господин Танака уже направлялся к своей повозке, а Госпожа Беспокойство вытирала руки о кимоно.

Через минуту я услышала голос сестры:

– Чио-сан! – Я закрыла лицо руками, готовая, если бы это было возможно, от боли провалиться сквозь землю. Сестра могла уже больше ничего не говорить, достаточно было того, как она произнесла мое имя. – Ты не знаешь, куда мы едем?

Мне показалось, ее устроил бы однозначный ответ: «да» или «нет». Возможно, ей было не важно, куда мы едем, но я все равно этого не знала. Я попыталась спросить об этом тонкого человека по имени Бэкку, но ответа не дождалась. Он продолжал смотреть на Сацу, как будто ничего подобного раньше не встречал. И в конце концов с отвращением проговорил:

– Рыба! Какое же зловоние вы обе распространяете!

Он достал из своей сумки гребень и начал причесывать Сацу, причем очень грубо, явно причиняя ей боль. Сацу заплакала. Если бы он сделал больно мне, было бы гораздо легче, чем смотреть на ее страдания и осознавать свою вину в происходящем. Старая крестьянка протянула Сацу морковку и спросила ее, куда она едет.

– В Киото, – ответил за нее господин Бэкку.

Мне стало так нехорошо от его ответа, что я не смогла заставить себя посмотреть Сацу в глаза. Даже город Сензуру казался нам далеким местом. Что уж говорить о Киото!.. Для меня это звучало так же, как Гонконг или Нью-Йорк, о котором я однажды слышала от доктора Миура.

Мы ехали на поезде много часов, и за все это время у нас во рту не было ни крошки. Поэтому, естественно, я сразу заметила, как господин Бэкку достал из сумки пакет с рисовыми шариками, посыпанными кунжутом. Когда он взял рисовый шарик костлявыми пальцами и вдавил его в свой подлый маленький ротик, не поднимая на меня глаз, я почувствовала – еще одну подобную пытку мне уже не вынести.

Мы вышли из поезда на станции в большом городе, принятом мной за Киото. Но вскоре подошел другой поезд, мы пересели, и уже он повез нас в Киото. В нем оказалось гораздо больше народа, чем в первом, и мы всю дорогу стояли. Когда мы уже ближе к вечеру приехали в Киото, я чувствовала себя так, как может чувствовать себя скала, на которую целый день обрушивался водопад.

Пока поезд приближался к Киото, мне удалось немного рассмотреть город. Позже я увидела гигантские дома, крыши которых были вровень с расположенными вдалеке вершинами гор. До тех пор я и не догадывалась о существовании таких огромных городов. И по сей день, смотря на город из вагона поезда, я вспоминаю ощущение опустошенности и страха, испытанное мной в день, когда я впервые покинула свой дом.

Господин Бэкку вел нас под локти, будто мы были парой ведер, которые он нес от колодца. Может, он боялся, что я убегу, если он хоть на минуту меня отпустит, но я бы ни за что не убежала. Независимо от того, куда он нас вел, мне страшно было бы оказаться одной среди этих гигантских улиц и зданий, столь же чуждых мне, как дно океана.

Тогда, в 1930 году, в Киото работало множество рикш. Они рядами выстраивались перед станцией. Мы сели в повозку рикши по обе стороны от господина Бэкку, оказавшегося даже более костлявым, чем я ожидала. Он сказал рикше:

– Томинаго-чо, в Джионе.

Возница молча поехал. Когда мы проехали пару кварталов, я набралась смелости и спросила господина Бэкку:

– Не скажете ли вы, куда мы все-таки едем?

Казалось, он не собирается отвечать, но все-таки сказал:

– В ваш новый дом.

При этих словах мои глаза наполнились слезами, а Сацу захныкала. Я уже готова была сама расплакаться, как вдруг господин Бэкку ударил Сацу, и она глубоко вздохнула. Я закусила губу и сдержалась.

Вскоре мы свернули на проспект, показавшийся мне шире, чем весь Йоридо. Я с трудом видела другую сторону проспекта из-за множества людей, велосипедов, повозок и машин. Конечно, мне приходилось раньше видеть машины на фотографиях, но помню, удивилась тому, какими жестокими они мне показались, как будто их сделали не для того, чтобы служить людям, а чтобы причинять им боль.

Мне становилось тревожнее по мере того, как наступал вечер, но я больше никогда в своей жизни не испытывала такого потрясения, как тогда, впервые оказавшись под огнями города. Я ведь не видела электричества, за исключением разве вечера, когда мы ужинали в доме господина Танака. Здесь же окна светились во всех домах снизу доверху.

Затем на другой улице я увидела театр минамиза с такой грандиозной черепичной крышей, что приняла его за дворец.

Спустя какое-то время рикша свернул на аллею, вдоль которой стояли деревянные дома, образующие как бы один бесконечный фасад. Почему-то при виде этих зданий я опять почувствовала себя потерянной. По улице куда-то спешили женщины в кимоно, казавшиеся мне верхом элегантности, хотя позже я узнала, что большинство из них – мужчины.

Наконец мы остановились перед входом в один из домов, господин Бэкку вышел и велел выйти мне. Потом случилось худшее из всего, что могло случиться. Когда Сацу тоже попыталась выйти, господин Бэкку повернулся и втолкнул ее обратно.

– Сиди! – сказал он ей. – Ты поедешь в другое место.

Я посмотрела на Сацу, а она на меня. Наверное, впервые за все время мы поняли чувства друг друга. Но это продолжалось лишь какое-то мгновение, а потом я заревела так, что уже не видела ничего вокруг.

Господин Бэкку буквально волоком втащил меня внутрь дома и поставил на ноги. На лестнице стояла удивительно красивая женщина в роскошном кимоно. Я вспомнила, как поразило меня кимоно на гейше из Сензуру, родного города господина Танака. Но это кимоно было несравненно изысканнее: нежно-голубое, с тонким выющимся серебристым рисунком, напоминающим струи воды. В воде плавала серебристая форель, а в том месте, где ее касались нежно-зеленые листья, поверхность воды пронизывали золотые нити. Я не сомневалась, что кимоно сшито из чистого шелка, шелковым был и пояс, расшитый бледно-желтыми и бледно-зелеными нитями. Необычной оказалась не только одежда. Ее лицо, обильно покрытое белилами, напоминало облака, освещенные солнцем. Волосы, уложенные в пучок, блестели так, словно были покрыты лаком. Их украшали янтарные гребни и тонкие свисающие серебряные нити, поблескивавшие при малейшем движении.

Так произошло мое знакомство с Хацумомо – в то время одной из самых известных гейш в районе Джион, хотя тогда, конечно, я этого не знала. Она была невысокого роста, край ее прически едва доходил до плеча господина Бэкку. Меня так поразила ее внешность, что я совершенно забыла о манерах и уставилась на нее. Она усмехнулась, правда, как-то не по-доброму, и сказала:

– Господин Бэкку, вы не могли бы убрать этот мусор? Мне нужно пройти.

На ее пути не было никакого мусора, она имела в виду меня.

– Здесь достаточно места, чтобы пройти, – ответил ей господин Бэку.

Неожиданно за ее спиной возникла немолодая женщина, высокая и узловатая, как бамбуковый шест.

– Я не знаю, как тебя вообще терпят, Хацумомо-сан, – сказала женщина.

Но тем не менее она жестом велела господину Бэку вывести меня опять на улицу, что он и сделал. Ужасной походкой – одно бедро у нее сильно выдавалось в сторону – женщина подошла к крошечному ящику, висевшему на стене, и достала предмет, похожий на кусок кремня, каким рыбаки обычно точат свои ножи. Она встала за спиной Хацумомо и ударила кремнем по камню. Возникшие от удара искры почти коснулись спины Хацумомо. Тогда я не поняла происходящего, но, оказывается, гейши еще более суеверны, чем рыбаки. Гейша никогда не уйдет вечером на встречу до тех пор, пока кто-нибудь на удачу не высечет кремнем искру у нее за спиной.

Хацумомо вышла, причем такими мелкими шажками, что казалось, она скользит по поверхности пола. Я не приняла ее за гейшу, ибо она столь разительно отличалась от той единственной виденной мною в Сензуру гейши. Я решила, что она скорее всего актриса. Мы все наблюдали за тем, как она уплыла, после чего господин Бэку передал меня пожилой женщине, а сам вернулся обратно, сел рядом с моей сестрой, и повозка рикши тронулась. Заливаясь слезами, я упала в проходе и уже не видела, как они уехали.

Пожилая женщина, явно пожалев меня, дала мне выплакаться. Затем она подняла меня с колен, достала из рукава своего серого кимоно платок и вытерла мне слезы.

– Ну хватит, хватит. Не стоит так переживать. Никто не собирается съесть тебя за ужином.

Она говорила с каким-то особым акцентом, таким же, как у господина Бэку и Хацумомо. Он так отличался от того японского языка, на котором говорили в нашей деревне, что я сначала с трудом ее понимала. Но в любом случае ее слова оказались самыми добрыми из всех сказанных мне за сегодняшний день, поэтому я делала все, что она требовала. Она велела называть ее Анти. Потом пристально посмотрела на меня, лицо ее при этом вытянулось, и произнесла низким голосом:

– Боже! Какие потрясающие глаза! Ты очень красивая девочка, правда же? Мама останется очень довольна.

Я решила, что мама этой женщины очень старая, потому что среди ее седых волос, собранных сзади в пучок, лишь кое-где виднелись тонкие черные полоски.

Анти вывела меня за дверь, и я очутилась в довольно грязном коридоре, соединяющем две постройки. Одна из них была маленьким жилищем вроде моего дома в Йоридо – две комнаты с земляным полом. Оказалось, это дом для прислуги. Другая была небольшая, но добротная. Коридор находился под открытым небом, поэтому я решила, особенно когда увидела поодаль еще два сооружения, что нахожусь скорее в миниатюрной деревне, нежели в доме. Это, как я позже узнала, типичная планировка для района Киото, где находились эти постройки. Сооружения во дворе оказались туалетом и складом. Площадь собственно жилых помещений была даже меньше, чем в доме господина Танака, и здесь размещались восемь человек, вернее, девять с моим приездом.

Рассмотрев все здания, я отметила, что главное из них – самое красивое. В Йоридо деревянные постройки серого, а не коричневого цвета, при этом еще и изъедены соленым воздухом. Здесь же деревянные стены и балки мерцали желтоватым светом от электрических лампочек. В главный зал вела раздвижная дверь с бумажными жалюзи. Одна из створок оказалась приоткрытой, и я смогла заметить кабинет с буддийским алтарем. В эти элегантные комнаты допускались только члены семьи, а Хацумомо, как я вскоре поняла, членом семьи не была.

Я стояла в коридоре и пыталась понять, что собой представляет место, куда меня привезли. Почему-то мне уже в который раз за последнее время стало очень страшно. Анти ушла

на кухню и разговаривала с кем-то хриплым голосом. В коридор вышла девочка примерно моих лет. Девочка несла тяжелое деревянное ведро, до краев наполненное водой, то и дело выплескивавшейся через край на грязный пол. У нее была узкая кость, но лицо идеально круглое, и девочка напоминала тыкву, насаженную на трость. Она так старательно несла ведро, высовывая кончик языка, как будто из тыквы торчал стебель. Как я потом узнала, язык она высовывала всегда: когда готовила суп или высыпала рис в кастрюлю, даже когда завязывала узел на платье. И ее лицо действительно было таким полным и нежным, что высунутый язык очень напоминал стебель тыквы. Позже я дала ей прозвище «Тыква», и это имя быстро за ней закрепилось, и даже в ее бытность гейшей в Джионе ее называли так клиенты.

Девочка поставила ведро, спрятала язык и, убирая прядь волос за ухо, оглядела меня с ног до головы. Я думала, она скажет что-нибудь, но она продолжала молча рассматривать меня, причем так, будто решала, укусить ей меня или нет. Действительно, она казалась голодной. В конце концов Тыква наклонилась ко мне и прошептала:

– Откуда ты вообще такая взялась?

Я понимала, ей ничего не скажет название Йоридо, ведь у нее такой же странный акцент, как и у всех вокруг. Я была уверена, она не знает названия моей деревни. Поэтому сказала, что только приехала.

– Я не надеялась увидеть здесь свою ровесницу, – сказала она мне. – А что у тебя с глазами?

В это время из кухни вернулась Анти, прогнала Тыкву, взяла ведро, мою одежду и повела меня во внутренний двор, покрытый столетним мхом. К складу вели каменные плиты. Во дворе, из-за туалетов, располагавшихся вдоль одной из сторон, стоял ужасный запах. Анти велела мне раздеться. Я вспомнила Госпожу Беспокойство и испугалась, как бы она не начала делать со мной нечто подобное, но она лишь облила меня водой, потерла мочалкой и выдала мне довольно простое хлопчатобумажное платье, но все же куда более нарядное, чем те, что мне доводилось носить до сих пор.

Старая повариха и несколько слуг спустились в коридор посмотреть на меня. Но Анти прогнала их со словами, что у них еще будет достаточно времени для этого.

– Теперь послушай меня, моя девочка, – сказала Анти, когда мы остались одни. – Я даже не хочу знать, как тебя зовут. До тебя здесь жила еще одна девочка, которая не понравилась Маме. Она прожила у нас всего месяц. Я слишком стара, чтобы постоянно запоминать новые имена. Пусть уж они сперва примут окончательное решение.

– Что же будет, если они не захотят меня оставить? – спросила я.

– Для тебя будет лучше, если они тебя оставят.

– Могу я вас спросить, что это за место?

– Это окей, – ответила она, – место, где живут гейши. Если ты будешь усердно трудиться, то вырастешь и сама станешь гейшей. Но ты должна всегда слушаться меня. Сейчас Мама и Грэнни спустятся сюда по лестнице. Они хотят посмотреть на тебя. Было бы хорошо, чтобы им понравилось то, что они увидят. Ты должна поклониться как можно ниже и стараться не смотреть им в глаза. Старшая из них, та, которую мы зовем Грэнни, в своей жизни вообще никого не любила, поэтому не переживай по поводу ее высказываний. Если же она задаст какой-нибудь вопрос, ни в коем случае не отвечай на него, я сама отвечу за тебя. А Маме нужно во что бы то ни стало понравиться. Она не такая злобная, как Грэнни, но печется только об одном...

Мне так и не довелось узнать, о чем именно печется Мама, потому что у входа послышался шум, и вскоре я увидела двух женщин, входящих в зал. Я не осмелилась смотреть прямо на них и краем глаза заметила лишь два шелковых свертка, прошелестевших от двери и присевших почти напротив меня.

– Умеко-сан! – прокричала Анти имя повара. – Принеси Грэнни чай.

– Я не хочу чаю, – послышался сердитый голос.

– Грэнни, – прозвучал голос, скорее всего принадлежавший Маме, – тебе совсем не обязательно его пить. Анти просто хочет оказать тебе внимание.

– А это новая девочка, Мама, – сказала Анти и слегка подтолкнула меня, чтобы я поклонилась.

Я упала на колени и поклонилась так низко, что почувствовала затхлый запах фундамента. Потом я опять услышала голос Мамы:

– Подойди поближе. Я хочу посмотреть на тебя.

Я была уверена, она скажет мне что-нибудь еще, после того как я подойду к ней, но она достала трубку, затем из кармашка на рукаве кимоно вытащила шелковый мешочек, а из него извлекла большую щепоть табака. Она положила табак в трубку, а трубку сунула в рот и прикурила от спички, которую достала из маленькой металлической коробочки, и только после этого впервые пристально посмотрела на меня, попыхивая трубкой. Старуха за ее спиной тяжело вздыхала. Было невозможно смотреть Маме в глаза, ибо от ее лица шел дым, напоминающий пар, выходящий из расщелины в земле. Мои глаза тем временем стали жить своей жизнью. Чем больше я смотрела на Маму, тем больше удивлялась. Ее желтое кимоно было расписано зелеными и оранжевыми лилиями и сшито из шелка, нежного и тонкого, как паутина. Красно-коричневый пояс из ткани той же фактуры, но более массивный, украшали золотые нити. Чем дольше я смотрела на одежду Мамы, тем больше вопросов возникало у меня в голове: что происходит с моей сестрой? С моим отцом и матерью? Что будет со мной? Каждая деталь роскошного кимоно этой женщины отвлекала меня от происходящего. Но потом меня ожидало потрясение: над воротником элегантного кимоно возвышалось до такой степени не соответствующее ему лицо, как если бы я разглядывала тело кошки, а в конце неожиданно обнаружила у нее голову бульдога. Она выглядела просто ужасно, при этом была настолько моложе Анти, что я никак этого не ожидала. Мама оказалась младшей сестрой Анти, правда, они родились не в одной семье, как мы с Сацу, а просто Грэнни их обеих удочерила.

Увиденное так поразило меня, так много мыслей пронеслось в моей голове, что я сделала практически все, от чего меня предостерегала Анти. Я посмотрела Маме прямо в глаза. При этом она вынула трубку и долго сидела с открытым ртом. И хотя я знала, что просто обязана отвести взгляд, но продолжала пялиться на ее глаза, показавшиеся мне совершенно необычными. Белки были не белыми и чистыми, а с ужасным желтым налетом, и этот цвет вызвал у меня ассоциации с туалетом, в который кто-то помочился. Веки были увлажнены, а кожа вокруг них обвисла. Я опустила глаза и наткнулась на ее все еще открытый рот.

Краски на ее лице перемешались: красные, цвета мяса, края век, а десны и язык – серые. Причиной этому была особая диета, которой Мама вынужденно придерживалась последние несколько лет, но, глядя на нее, я не могла отделаться от чувства, что передо мной дерево, сбрасывающее свои листья. И мне захотелось отступить на шаг назад, глубоко вдохнуть или как-то еще освободиться от своих чувств. В это время Мама произнесла своим скрежещущим голосом:

– Что ты рассматриваешь?

– Извините, госпожа. Я рассматриваю ваше кимоно. Мне кажется, я раньше не видела ничего столь же прекрасного.

Должно быть, я ответила правильно, если в такой ситуации это вообще возможно, потому что она издала звуки, напоминающие смех, хотя они и прозвучали скорее как кашель.

– Тебе понравилось кимоно? – спросила она, продолжая то ли кашлять, то ли смеяться. – Ты хоть представляешь, сколько оно стоит?

– Нет, госпожа.

– По крайней мере больше, чем ты, это точно.

В этот момент появилась служанка с чаем. Пока накрывали стол, мне удалось бросить взгляд на Грэнни. Если Мама была полной, с короткими пальцами и толстой шеей, то Грэнни

– старой и сморщенной, приблизительно возраста моего отца, но выглядевшей так, словно она иссушала себя медитацией. Ее волосы напомнили мне спутанные шелковые нити, потому что сквозь них виднелась кожа, покрытая чередующимися заплатками коричневатого и красноватого цвета. Хотя сейчас она и не сердилась, у нее был хмурый вид.

Прежде чем заговорить, она сделала глубокий вдох, выдохнула воздух и пробормотала:

– Разве я не сказала, что не хочу никакого чая?

Она опять вздохнула, покачала головой и обратилась ко мне:

– Сколько тебе лет, малышка?

– Она года Обезьяны, – ответила за меня Анти.

– Глупое создание – обезьяна, – произнесла Грэнни.

– Девять лет, – сказала Мама. – Анти, что ты о ней думаешь?

Анти встала напротив меня, приподняла мою голову и посмотрела мне в лицо.

– В ней много воды.

– Красивые глаза, – сказала Мама. – Ты видела, Грэнни?

– Мне кажется, она глупа, – сказала Грэнни. – Хватит нам обезьян.

– Я уверена, ты права, – согласилась с ней Анти, – возможно, она именно такая, какой ты ее считаешь. Но мне она кажется очень умной девочкой, а главное, умеющей приспосабливаться, это можно понять, посмотрев на форму ее ушей.

– С таким количеством воды в ее натуре, – сказала Мама, – она, вероятно, сможет почувствовать огонь прежде, чем он начнется. Это было бы здорово, правда же, Грэнни? Нам не придется беспокоиться о том, что в один прекрасный день наш гардероб сгорит вместе со всеми хранящимися в нем кимоно.

Грэнни, оказывается, больше всего в жизни боялась пожара.

– Несмотря ни на что, она довольно мила, правда же? – спросила Мама.

– В Джионе очень много милых девочек, – сказала Грэнни. – Нам же нужна не просто приятная, а умная девочка. Хацумоно, например, чудо как хороша, но посмотри, как она глупа.

После этого Грэнни встала, и Анти проводила ее из комнаты. Я слышала, как входная дверь открылась и закрылась, и вскоре Анти вернулась в комнату.

– У тебя есть вши? – спросила Мама.

– Нет, – ответила я.

– Тебе следует научиться говорить более вежливо. Анти, постриги ее, пожалуйста, на всякий случай.

Анти позвала служанку и попросила ее принести ножницы.

– Итак, малышка, – обратилась Мама ко мне, – ты сейчас в Киото и либо научишься себя вести, либо будешь бита. Избивают здесь обычно Грэнни, поэтому тебе будет несладко. Мой тебе совет: работай очень прилежно и никогда не покидай окею без разрешения. Делай, как я говорю, не доставляй лишних хлопот, и ты начнешь обучаться искусству гейши через два или три месяца. Тебя сюда взяли не в услужение. Я не стану тебя держать, если все сведется именно к этому.

Мама набила трубку и пристально посмотрела на меня. Я не осмелилась сдвинуться с места до тех пор, пока она не разрешила мне уйти. Я подумала о своей сестре, наверное, тоже сейчас стоящей перед какой-нибудь суровой женщиной где-нибудь в другом доме в этом ужасном городе. И я вдруг представила свою бедную больную маму, с трудом приподнимающуюся на локте, чтобы посмотреть, где же мы. Мне не хотелось предстать перед Мамой плачущей, но слезы заполнили мои глаза прежде, чем я смогла подумать, как их остановить. Желтое кимоно Мамы становилось все нежнее и нежнее, пока не стало мерцающим. Она выпустила дым из трубки и тотчас же исчезла.

Глава 4

В первые дни пребывания в этом странном месте мне казалось, что лучше потерять руки и ноги, чем семью и дом. Я уже не сомневалась – так, как я жила прежде, мне уже никогда не придется жить. Я думала только о том, насколько я несчастна, и, конечно, меня очень волновало, увижу ли я снова Сацу. Я лишилась отца и матери и даже привычной одежды... И то, что я все же выжила, казалось удивительным. Помню, однажды, оттирая котлы для варки риса, я до такой степени потеряла ощущение реальности происходящего, что, прервав работу, в течение какого-то времени разглядывала свои руки, пытаясь убедиться в том, что именно я оттирала котел в это время и в этом месте.

Мама обещала, что если я буду прилежно трудиться и хорошо себя вести, то через несколько месяцев смогу приступить к учебе. Как я узнала от Тыквы, начало занятий означает ежедневное хождение в школу, расположенную в другом конце Джиона, и постижение там искусства музыки, танца и чайной церемонии. Все девочки – будущие гейши – брали уроки в одной и той же школе. Поэтому я надеялась обязательно встретить там Сацу и к концу первой недели настроилась вести себя как послушная корова, которую ведут на веревке, в надежде, что в конце концов Мама выполнит свое обещание.

Большей частью мне поручалась довольно простая работа. Я убирала в комнатах, подметала грязный коридор и так далее. Иногда меня посылали в аптеку за мазью от чесотки, порой донимавшей повариху, иногда отправляли в магазин на проспекте Шийо за рисовыми крекерами – любимым лакомством Анти. К счастью, самая неприятная работа, как, например, мытье туалетов, поручалась старшим девушкам. Но как я ни старалась, мне все же не удавалось произвести нужного впечатления, ибо в мои каждодневные обязанности входило значительно больше поручений, чем я была в состоянии выполнить. Эту задачу к тому же сильно осложняла Грэнни.

Мне не поручалось прислуживать Грэнни, так по крайней мере я поняла из слов Анти. Но если Грэнни вызывала меня, я не могла проигнорировать просьбу главного человека в окейе. Однажды, например, я несла чай для Мама, когда услышала ее крик:

– Где эта девчонка? Пришлите ее ко мне!

Я отставила поднос с чаем и поспешила в комнату, где завтракала Грэнни.

– Не кажется ли тебе, что в этой комнате слишком жарко? – спросила она меня, после того как я опустилась перед ней на колени. – Почему ты не зашла и не открыла здесь окно?

– Извините, Грэнни. Я не знала, что вам жарко.

– Мне жарко, неужели не видно?

Она ела рис, и несколько зерен повисли на ее нижней губе. Глядя на нее, я бы не подумала, что ей плохо, но все же направилась к окну и открыла его. В комнату тут же влетела муха и стала кружить над ее едой.

– Что с тобой происходит? – спросила она, отгоняя муху палочками. – Другие девушки, открывая окна, никогда не впускают мух.

Я извинилась и сказала, что принесу хлопнушку для мух.

– И убьешь муху на моей еде? Нет-нет, не нужно! Стой рядом со мной, пока я ем, и отгоняй ее от меня.

Так я стояла рядом с Грэнни, пока она ела, и в который раз слушала ее историю о великом актере кабуки Ичимуре Узамон XIV, взявшем ее, четырнадцатилетнюю, за руку во время вечеринки, посвященной созерцанию луны. К тому времени, когда она позволила мне уйти, чай Мама совсем остыл, и нести его ей было просто неудобно. И повар, и Мама остались довольны мной.

Дело заключалось в особой нелюбви Грэнни к одиночеству. Даже когда она ходила в туалет и сидела на корточках, Анти стояла рядом и держала ее за руки, помогая ей сохранять равновесие. Запах был настолько невыносимым, что бедная Анти буквально ломала себе шею, стараясь как можно дальше отстраниться от происходящего. Мне, к счастью, не приходилось выполнять подобную работу, но Грэнни всегда заставляла меня делать ей массаж, в то время как она чистила уши, и это, надо сказать, куда более неприятно, чем вы думаете. Первое время мне становилось плохо, когда она расстегивала свое платье и спускала его вниз, обнажая плечи и шею, покрытые дряблой и желтой, как у цыпленка, кожей. Во времена ее молодости гейши пользовались разновидностью пудры под названием «китайская глина», приготовленной на основе свинца. Глина от присутствия в ней свинца становилась ядовитой, и этот яд повлиял на кожу, а возможно, и на характер Грэнни, сделав его таким скверным. Кроме того, она любила ходить на горячие ключи на севере Киото. Все было бы отлично, если бы эта свинцовая пудра легко смывалась. Она же, вступая в соединение с каким-то из элементов воды, образовывала краситель, разрушающий кожу. Грэнни была не единственной пострадавшей от этой пудры. Даже в начале Второй мировой войны на улицах Джиона часто встречались старые женщины с обвисшей желтой шеей.

Однажды, спустя три недели после моего появления в окейе, я убирала в комнате Хацумомо позже, чем обычно. Я побаивалась Хацумомо, хотя и очень редко с ней виделась из-за ее напряженного образа жизни. Мне очень не хотелось, чтобы она застала меня одну в своей комнате, поэтому я всегда старалась убрать у нее до того, как она уйдет из окейи на урок танца. К сожалению, в то утро Грэнни задержала меня почти до обеда.

Хацумомо принадлежала самая большая комната в окейе, больше, чем весь наш дом в Йоридо. Я не могла понять, почему ее комната настолько больше, чем у всех остальных, пока старшие девушки не объяснили мне, что сейчас Хацумомо – единственная гейша в окейе, а раньше их бывало и три, и четыре, и все они жили вместе в одной комнате. И хотя Хацумомо жила одна, беспорядок она устраивала за четверых. В тот день в ее комнате вдобавок к разбросанным журналам и кисточкам, оставленным на матах около крошечного столика для макияжа, я обнаружила огрызок яблока, а под столом – пустую бутылку из-под виски. Она, видимо, не закрыла окно, на которое накануне вечером пьяная повесила свое кимоно, и ветер разбил деревянную раму. Обычно к этому времени Анти, обязанная следить за одеждой в окейе, уже собирала кимоно, но тогда по какой-то причине она этого не сделала. Я как раз подошла к окну, чтобы закрыть раму, когда входная дверь настежь распахнулась, я обернулась, и Хацумомо предстала перед моими глазами.

– О, это ты? Я вижу, ты наводишь порядок в моей комнате. Это ты постоянно переставляешь мои баночки с косметикой?

– Прошу прощения, но я только передвигаю их, чтобы вытереть под ними пыль.

– Но ведь если ты будешь дотрагиваться до них, они станут пахнуть так же, как ты, – сказала она. – А потом мужчины будут говорить мне: «Хацумомо-сан, почему ты воняешь, как невежественная девчонка из рыбацкой деревни?» Думаю, ты поняла меня, не правда ли? Но давай для уверенности повторим все еще раз. Итак, почему ты не должна дотрагиваться до моей косметики?

Я долго заставляла себя произнести это и в конце концов сказала:

– Потому что вы станете пахнуть так же, как я.

– Очень хорошо. И что мужчины будут говорить мне?

– Они будут говорить: «О, Хацумомо, от тебя пахнет, как от девушки из рыбацкой деревушки».

– Хм... Что-то мне не нравится в том, как ты произнесла эту фразу. Но я надеюсь, тебе все ясно? Не понимаю, отчего девушки из рыбацких поселков так плохо пахнут. На днях твоя старшая сестра искала тебя здесь, и от нее исходил такой же отвратительный запах.

Я стояла перед ней с опущенной головой, но когда Хацумомо произнесла эти слова, я посмотрела ей прямо в глаза, стараясь понять, правду ли она говорит.

– Ты так удивлена! Неужели я ничего не говорила тебе? Она приходила сюда и рассказывала мне, где живет. Возможно, она надеется, что ты найдешь ее и вы сможете вместе убежать.

– Хацумомо-сан...

– Ты хочешь узнать, где она? Хорошо, ты сможешь заработать эту информацию, и когда я придумаю как, поставлю тебя в известность. А сейчас убирайся отсюда.

Мне не хотелось ее злить, но все же, прежде чем выйти из комнаты, я остановилась, надеясь уговорить ее.

– Хацумомо-сан, я знаю, вы меня не любите, – сказала я. – Но не были бы вы так добры сообщить мне, где ее искать. В благодарность за это я обещаю вас больше никогда не беспокоить.

Мне показалось, Хацумомо очень обрадовали мои слова, лицо ее светилось от удовольствия. Признаться, я раньше не видела такой потрясающе красивой женщины. Мужчины на улице иногда останавливались и вынимали изо рта сигарету, залюбовавшись ею. Она подошла ко мне так близко, словно хотела что-то шепнуть на ухо, но, улыбнувшись, неожиданно ударила меня.

– Разве я не велела тебе выйти из моей комнаты?

От неожиданности я растерялась, выбежала из комнаты и упала в коридоре на пол, закрыв лицо руками. Вдруг открылась дверь Маминой комнаты.

– Хацумомо! – закричала Мама, помогая мне подняться. – Что ты сделала Чио?

– Она говорила о побеге из окейи. Я решила, будет лучше, если я ударю ее вместо вас. Мне кажется, вы очень заняты, чтобы заниматься этим самостоятельно.

Мама позвала прислугу, попросила принести ей свежего имбиря, отвела меня к себе в комнату и усадила за стол, а сама направилась к телефону, чтобы закончить прерванный разговор. Единственный телефон в окейе, по которому можно было звонить за пределы Джиона, висел на стене в ее комнате, и никому, кроме нее, не позволялось им пользоваться. Отходя от телефона, она оставила трубку на полке, а когда взяла ее снова, то сжала своими крепкими пальцами так сильно, словно хотела ее расплющить.

– Извините, – сказала она в трубку своим резким голосом, – Хацумомо опять бьет девушек.

В первые недели моего проживания в окейе я чувствовала противоестественное уважение к Маме – нечто сродни тому, что испытывает рыба по отношению к рыбаку, вынимающему крючок из ее рта. Возможно, это было связано с тем, что я видела ее всего несколько минут в день, пока убирала в ее комнате. Она всегда оказывалась на месте, сидела за столом, обычно с бухгалтерской книгой. Мама не любила, когда кто-нибудь прикасался к ее постели, даже менял белье, и в ее комнате постоянно стоял запах грязного белья. А бумажные жалюзи на окнах были перепачканы пеплом ее трубки. Все это придавало ее комнате несколько заброшенный, мрачноватый вид.

Пока Мама разговаривала по телефону, одна из служанок принесла имбирь и приложила его к моему лицу. Постоянное хлопанье дверью разбудило маленькую собачку Мама Таку – болезненное существо с приплюснутой мордой. Казалось, в ее жизни существовало всего три занятия: лаять, чихать и кусать тех, кто пытался ее погладить. Когда служанка ушла, Таку улеглась за моей спиной. Это был один из ее маленьких трюков: она любила разлечься там, где я могу нечаянно наступить на нее, и как только я делала это, кусала меня. Я начала чувствовать себя между Мамой и Таку как мышь, попавшая в скользкую дверь, но Мама наконец

перестала разговаривать по телефону и села за стол. Она посмотрела на меня своими желтыми глазами и произнесла:

– Теперь послушай меня, моя девочка. Возможно, ты слышала, как Хацумомо лжет. Но ей позволено гораздо больше, чем другим, тем более тебе. Я хочу знать, почему она ударила тебя?

– Она хотела, чтобы я ушла из ее комнаты, Мама, – сказала я. – Мне очень стыдно за случившееся.

Мама потребовала от меня повторить сказанное с правильным акцентом, принятым в Киото и так трудно дававшимся мне. Удовлетворенная ответом, она продолжила:

– Мне кажется, ты не совсем понимаешь свои обязанности в окейе. Мы все здесь думаем только об одном: как помочь Хацумомо оставаться преуспевающей гейшей. Даже Грэнни, хотя ты ее, возможно, воспринимаешь как старуху с противным характером, на самом деле целыми днями думает о том, как помочь Хацумомо. – Понять Мамины слова я совершенно не могла. Честно говоря, даже половую тряпку вряд ли удалось бы убедить, что Грэнни могла кому-нибудь быть полезна. – Если такие уважаемые люди, как Грэнни, целыми днями работают, стараясь облегчить жизнь Хацумомо, представь, насколько упорнее должна работать ты.

– Да, Мама, я буду очень стараться.

– Мне не хотелось бы еще раз услышать, что ты опять расстраиваешь Хацумомо. Другие маленькие девочки умудряются не попадаться ей на глаза, и тебе стоит последовать их примеру.

– Конечно, Мама... Но прежде чем я пойду, можно вас кое о чем спросить? Может ли кто-нибудь знать, где сейчас моя сестра? Мне бы хотелось послать ей записку.

У Мамы был особенный рот, слишком большой для ее лица, и поэтому основную часть времени он оставался открытым. Но сейчас она с усилием сжала свои зубы вместе, как будто давала мне возможность получше рассмотреть их. Оказывается, так выглядела ее улыбка. Я поняла это, услышав кашляющие звуки, означающие, что она смеется.

– Почему я должна говорить тебе это? – спросила она.

Она еще несколько раз ухмыльнулась и махнула мне рукой, предлагая покинуть ее комнату.

Когда я вышла из комнаты, Анти ждала меня на лестничной клетке с поручением. Она дала мне ведро и отправила на крышу.

Я поднялась вверх по лестнице до люка, а затем через него – на крышу. Там, на деревянных подпорках, стоял бак для сбора дождевой воды. Дождевая вода стекала вниз и омывала туалет рядом с комнатой Мамы, так как водопровода в то время у нас еще не было. Погода стояла сухая, и в туалете стало вонять. Мне велели налить в бак столько воды, чтобы Анти смогла несколько раз сполоснуть туалет. Черепица в знойный полдень показалась мне горячей, как кастрюля, и я вспомнила о холодной воде нашего деревенского пруда, в котором мы любили купаться. Всего несколько недель назад я еще жила дома, но все это было уже так далеко от меня, сидевшей на крыше окейи. Анти попросила меня сорвать выросшую на крыше траву, прежде чем я спущусь вниз. Я посмотрела на окутанный туманом город и на горы, окружавшие меня, как тюремные стены. Где-то под одной из этих крыш моя сестра так же, как и я, выполняет какие-нибудь поручения. Задумавшись, я случайно задела бак, и часть воды выплеснулась на улицу.

Примерно месяц спустя после моего приезда в окейю Мама объявила, что пришло время отправляться в школу. Проводить меня до школы и представить учителям поручили Тыкве. А Хацумомо после уроков предстояло отвести меня в регистрационный офис, о котором я никогда прежде не слышала. Этим же вечером мне разрешалось понаблюдать за тем, как она

накладывает грим и одевается в кимоно. По традиции окейи в тот день, когда девочка первый раз отправляется в школу, ей показывают обряд одевания и украшения главной гейши.

Тыква, узнавшая, что поведет меня в школу следующим утром, очень занервничала.

– Ты ни в коем случае не должна проспять, – говорила она мне. – Лучше утопиться в туалете, чем опоздать...

Я видела, как рано утром готовая расплакаться Тыква выходит из окейи с глазами, не успевшими к тому времени как следует раскрыться. И в самом деле, я несколько раз слышала, как она плакала, проходя в своих деревянных туфлях мимо кухни. Она появилась в окейе всего за полгода до меня, но ходить в школу стала только неделю спустя после моего приезда. Возвращаясь расстроенная днем на обед, она сразу пряталась в комнатах прислуги от посторонних глаз.

На следующее утро я встала раньше, чем обычно, и впервые надела простое хлопчатобумажное бело-голубое, украшенное детским рисунком из квадратов школьное платье. Наверное, оно выглядело не более элегантно, чем гостевое платье в отелях, предназначенное для посещения ванной комнаты, но никогда раньше мне не доводилось надевать ничего лучшего и хоть сколько-нибудь похожего на этот наряд.

Обеспокоенная Тыква ждала меня у входа. Я как раз собиралась засунуть ноги в ботинки, когда Грэнни позвала меня в свою комнату.

– Нет! – закричала Тыква, и ее лицо начало растекаться, как плавящийся воск. – Я опять опоздаю. Давай уйдем и сделаем вид, что мы ее не слышали!

Я хотела последовать ее совету, но Грэнни уже стояла в дверном проеме и ждала меня, испепеляя взглядом. И хотя она задержала меня не более чем на десять – пятнадцать минут, к тому времени у Тыквы в глазах стояли слезы. Когда мы наконец вышли, Тыква пошла так быстро, что я с трудом поспевала за ней.

– Эта старуха ужасна! – сказала она. – После того как ты помоешь ей шею, обязательно положи свои руки в тарелку с солью.

– Для чего?

– Моя мама часто говорила мне: «Зло распространяется в мире через прикосновение». И я знаю, это правда. Мама столкнулась на дороге с дьяволом и после этой встречи умерла. Если ты не будешь очищать свои руки, то превратишься в сморщенную старую селедку, как Грэнни.

Мы с Тыквой одного возраста и жили в абсолютно одинаковых условиях, я думаю, нам было бы о чем поговорить, имей мы такую возможность. Но все наше время уходило на выполнение многочисленных поручений. Нам с трудом удавалось выкроить минутку даже для еды. Но ели мы тоже в разное время. Тыква, как старшая в окейе, ела раньше меня. Таким образом, я не знала о ней практически ничего, кроме того, что она появилась в окейе за шесть месяцев до меня. Поэтому я принялась расспрашивать ее:

– Тыква, ты родом из Киото? У тебя акцент почти такой же, как у всех здесь.

– Я родилась в Саппоро. Но когда мне исполнилось пять лет, мама умерла, и отец отправил меня в Киото к дяде. А в прошлом году дядя разорился, и я оказалась здесь.

– Но почему ты не убежала в Саппоро?

– Мой отец бедствовал и в прошлом году умер. Мне некуда бежать.

– Когда я найду свою сестру, ты сможешь убежать с нами вместе.

Зная, с каким трудом давалась Тыкве учеба, я ожидала, что ее очень обрадует мое предложение, но она ничего не ответила. К тому времени мы подошли к проспекту Шийо и молча пересекли его. Именно по этому перегруженному транспортом проспекту мистер Бэкку вез нас с Сацу со станции. Сейчас же, рано утром, встречались лишь редкие трамваи вдалеке и немногочисленные велосипедисты. Мы перешли на другую сторону проспекта, оказавшись на узкой уютной улочке, и Тыква впервые с тех пор, как мы вышли из окейи, остановилась.

– Мой дядя очень хороший человек, – проговорила она. – И перед тем как отправить меня в окею, он сказал: «Некоторые девочки умны, некоторые глупы. Ты хорошая девочка, но ты из глупых. Ты никогда не сможешь поступать в этой жизни по-своему. Я посылаю тебя туда, где люди расскажут, что тебе нужно делать. Поступай так, как они говорят, и они всегда позаботятся о тебе». Поэтому, если ты хочешь жить по-своему, Чио-сан, живи. Но я нашла место, где хотела бы прожить свою жизнь. Я буду упорно работать, я должна это делать, чтобы они не выгнали меня. И я скорее брошусь со скалы, чем упущу шанс стать гейшей, как Хацумомо.

Тыква замолчала и устремила взгляд на что-то лежащее на земле за моей спиной.

– О Боже, Чио-сан! – воскликнула она. – Неужели тебе при виде этого не хочется есть?

Я обернулась и увидела вход в окею. На дверной полочке располагалось небольшое святилище Синто с подношением сладкого рисового пирога. Я подумала, Тыква заинтересовалась именно пирогом, но ее взгляд устремился на землю. На тропинке, ведущей к двери, виднелись только мох и несколько кустов папоротника. И наконец я увидела то, чего так жаждала Тыква. На углу улицы лежала палочка с одним кусочком рыбы, обжаренной на углях. Торговцы продавали ее с повозки прошлой ночью. Обычно запах соуса возбуждал меня, ведь служанкам вроде нас не давали практически ничего, кроме риса и соленых огурцов. Один раз в день мы ели суп, а два раза в месяц сушеную рыбу. Но даже несмотря на это, в кусочке рыбы, лежащем на земле, не было, с моей точки зрения, ничего аппетитного. Тем более что по нему прогуливались две мухи.

Тыква принадлежала к типу женщин, склонных к полноте. Иногда я слышала, как ее желудок урчит от голода. И все же я не верила, что она действительно собирается съесть этот кусок, пока не увидела, как она оглядывается, нет ли кого на улице.

– Тыква, если ты действительно голодна, ради Бога, возьми рисовый пирог с полки. Ты же видишь, мухи уже полакомились этой рыбой.

– Я больше, чем они, – сказала она, – к тому же есть подношение – святотатство.

Она нагнулась и подняла рыбу.

Я выросла в таком месте, где дети едят все, что движется. Однажды, в четыре года, с чьей-то подачи я съела живого сверчка. Но видеть Тыкву, стоящую посреди улицы с кусочком рыбы, облепленным мухами, казалось более чем странно... Она дула на мух, пытаясь отогнать их, но они только перелетали на другое место.

– Тыква, ты не сможешь его съесть, – сказала я. – Ведь это все равно что облизать мостовую.

– А что ты имеешь против мостовой? – спросила она.

И с этими словами – я бы не поверила, если бы не увидела собственными глазами, – Тыква упала на колени и, сильно высунув язык, лизнула мостовую. Я открыла рот от удивления. Поднявшись на ноги, она выглядела так, будто и сама не верила в содеянное. Тыква вытерла язык ладонью, несколько раз сплюнула, зажала кусочек рыбы между зубами и стянула его с палочки.

Всю дорогу от холма до деревянных ворот школьного комплекса Тыква жевала этот кусочек, – должно быть, ей попался хрящ. Когда мы вошли во двор, я почувствовала резь в желудке, таким пугающе огромным показался мне сад. Вечнозеленые кустарники и изогнутые сосны окружали пруд, кишатый карпами. У самой узкой части пруда лежала каменная плита. На ней стояли две пожилые женщины, прикрываясь зонтиками от утреннего солнца. На самом деле лишь несколько зданий комплекса принадлежали школе. Массивное здание на заднем плане оказалось театром кабуренью, где гейши Джиона каждую весну представляли «Танцы древней столицы».

Тыква поспешила ко входу в длинное деревянное строение, принятое мной за жилье прислуги, но именно это и была школа. В ее помещении распространялся характерный запах жареных чайных листов, даже сейчас возвращающий мои тогдашние ощущения, как будто я

снова иду на занятия. Я сняла туфли и хотела поставить их в ближайшую ячейку, но Тыква остановила меня и рассказала о существовании негласного правила, регламентирующего, кому какую ячейку использовать. Тыкве, как одной из новых учениц, полагалась верхняя. А я, так как вообще пришла сегодня впервые, должна была поставить свою обувь еще выше.

– Будь очень аккуратна, не наступи на чужие туфли, когда будешь ставить наверх свои. Если ты случайно сделаешь это, то услышишь такую брань, что твои уши покроются волдырями.

Внутри школьное здание выглядело старым и пыльным, как давно покинутый дом. В конце длинного зала стояла группа девочек. Я надеялась среди них увидеть Сацу, но когда они повернулись и посмотрели на нас, я расстроилась, не обнаружив ее. Волосы у всех были уложены в одинаковую для всех молодых гейш-учениц прическу – *варэшинобу*, – и они держались так, словно знали о Джионе гораздо больше, чем я или Тыква вообще когда-либо сможем узнать.

В просторной классной комнате в традиционном японском стиле вдоль одной стены располагалась большая доска, на которой на вешалках висели деревянные дощечки с написанными на них жирным черным шрифтом именами. Я все еще плохо читала, хотя ходила в школу в Йоридо, а с момента приезда в Киото каждый день около часа занималась с Анти. Но несколько имен я смогла прочесть. Тыква подошла к маленькому ящичку, стоящему на циночке, достала дощечку со своим именем и повесила ее на первую попавшуюся пустую вешалку. Дощечка на стене служила листком для подписей.

Потом мы заходили в другие классные комнаты и «расписывались» таким же образом. У Тыквы в тот день было четыре урока – музыка, танцы, чайная церемония и особый вид пения, называемый *нагаута*. От переживаний, что она пришла последней, Тыква беспрестанно теребила пояс своего платья. Лишь когда мы собирались уходить из школы, чтобы позавтракать в окейе, и уже надели ботинки, Тыква отчасти успокоилась, заметив бегущую через сад маленькую девочку нашего возраста с растрепанными волосами.

В окейе мы съели суп и тотчас же вернулись в школу. Тыква сразу разложила свой сямисэн. Это необычный музыкальный инструмент. Некоторые называют его японской гитарой, но на самом деле он гораздо меньше, чем гитара, с деревянной декой, с тремя вращающимися деревянными колышками на конце. Тело инструмента представляет собой деревянный ящик, обтянутый сверху, как барабан, кошачьей кожей. Итак, Тыква разложила свой сямисэн и с высунутым языком принялась настраивать его. Но у нее совершенно не было музыкального слуха, поэтому ноты скакали, как лодки на волнах, так и не находя своих мест. Вскоре всю комнату аккуратно, как шоколадки, уложенные в коробке, заполнили девочки с сямисэнами. Я, не отрываясь, следила за дверью в надежде в один прекрасный момент увидеть Сацу.

Спустя какое-то время вошла учительница – маленькая пожилая женщина с пронзительным голосом. Ее звали Мизуми, а это по звучанию очень близко к *незуми*, по-японски «мышь», и за глаза ее так и звали Мышью.

Мышь встала коленями на подушечку перед классом и даже не попыталась принять доброжелательный вид. Когда ученицы дружно поклонились ей и сказали: «Доброе утро», она лишь сердито посмотрела на них, не проронив ни слова. Наконец она взглянула на висевшую на стене доску и вызвала первую ученицу.

Та девушка, видимо, обладала большим самомнением. Она буквально выплыла на середину комнаты, поклонилась учительнице и начала играть. Через две минуты Мышь остановила ее и высказала по поводу ее игры массу неприятных замечаний. После этого она раскрыла веер, обмахнула им ученицу и отпустила ее. Девочка поблагодарила ее, поклонилась и вернулась на свое место, а Мышь назвала имя следующей ученицы.

Так продолжалось около часа, до тех пор пока очередь не дошла до Тыквы. Она, как я заметила, очень нервничала, и действительно, с самого начала все пошло не так, как надо. Сначала Мышь остановила ее, взяла сямисэн и перетянула струны. Тыква продолжила игру, но ученицы начали переглядываться, не понимая, какую пьесу она пыталась исполнить. Мышь сильно стукнула по столу, велела всем смотреть на нее и сложением веером стала отбивать такт, помогая Тыкве. Но все оказалось бесполезным, и Мышь вышла из себя. Она принялась растягивать Тыкве пальцы и в конце концов бросила инструмент на циновки. Тыква подняла его и пошла на свое место со слезами на глазах.

Потом я поняла, почему Тыква так старалась не прийти в класс последней. Девочка с непричесанными волосами, бежавшая в школу, когда мы уходили на завтрак, вышла в центр комнаты и поклонилась.

– Не трать свое время на то, чтобы быть вежливой со мной, – прокрипела Мышь. – Если бы ты не спала так долго сегодня утром, то пришла бы вовремя.

Девочка извинилась и начала играть, но учительница не обращала на ее игру никакого внимания. Она лишь сказала:

– Ты очень долго спишь по утрам. Ты хочешь, чтобы я учила тебя, а сама даже не удосужись прийти вовремя в школу. Иди на место. Я не хочу больше тратить на тебя свое время.

Когда урок закончился и класс отпустили, Тыква вывела меня на середину комнаты, и мы обе поклонились Мыши.

– Я бы хотела представить вам Чио, госпожа учительница, и попросить вас обучать ее, потому что у нее очень мало способностей.

Тыква вовсе не хотела меня обидеть. Так люди иногда говорят, стремясь выглядеть учтивыми. Моя собственная мать сказала бы на ее месте точно так же.

Какое-то время Мышь молча разглядывала меня, а потом сказала:

– Ты умная девочка. Я вижу это, даже не поговорив с тобой. Возможно, ты сможешь помочь своей старшей сестре с уроками.

Она, безусловно, имела в виду Тыкву.

– Пиши свое имя на доске как можно раньше каждое утро, – сказала она мне. – Веди себя тихо в классе. Я запрещаю любые разговоры! Будь всегда внимательна во время уроков. Если ты будешь выполнять все эти требования, я дам тебе все, что смогу.

Она развернулась и вышла.

В коридоре на перемене я безуспешно искала Сацу. Неужели я больше никогда ее не встречу? Увидев меня такой расстроенной и грустной, одна учительница даже спросила:

– Что с тобой случилось?

– Ничего страшного. Просто я случайно прикусила губу.

Для убедительности я тут же сильно прикусила губу и почувствовала вкус крови.

На следующих уроках Тыква оказалась по крайней мере не худшей в классе, и это меня порадовало. В танцевальном зале она выглядела даже немного грациозной. Урок пения из-за отсутствия слуха оказался для нее более сложным. Но мы пели все вместе, и ей удавалось скрывать свои ошибки за счет более тихого голоса.

После каждого урока Тыква представляла меня учителям. Одна учительница спросила меня:

– Ты живешь с Тыквой в одной окейе?

– Да, в окейе Нитта.

– Значит, ты живешь с Хацумомо-сан.

– Да. Хацумомо сейчас единственная гейша в нашей окейе.

– Я буду учить тебя пению до тех пор, пока ты будешь жива... – И учительница засмеялась, как будто очень удачно пошутила, и отправила нас домой.

Глава 5

В тот же день Хацумомо отвела меня в регистрационный офис Джиона. Я ожидала увидеть что-то грандиозное, но оказалось, он состоял всего из нескольких полутемных сильно прокуренных комнат, расположенных на втором этаже школьного здания, заполненных партами и папками с документацией. Клерк посмотрел на нас сквозь облако дыма и кивнул, предлагая пройти в дальнюю комнату. Там, за столом, заваленным бумагами, сидел самый большой человек, какого мне довелось видеть в своей жизни. В прошлом борец сумо, хотя он и не стал известным, просил называть себя тем именем, под которым когда-то боролся, Авайюми, гейши обычно сокращали его до Авайи.

Когда мы вошли, Хацумомо пустила в ход свое обаяние. Тогда я впервые увидела, как она это делает.

– Авайи-сан! – произнесла она.

Я испугалась, хватит ли ей воздуха, потому что прозвучало это как «Авааа-йии-сааааа-аннннн!».

Он отложил ручку и улыбнулся, при этом две его огромные щеки поднялись к ушам.

– Да, Хацумомо-сан, – откликнулся он. – Если ты станешь еще красивее, я этого просто не вынесу.

Его речь напоминала громкий шепот из-за поврежденных ударами по шее голосовых связок. Подобное часто случается с борцами сумо.

Авайи, этот гигант размером с бегемота, был одет тем не менее в элегантное брючное кимоно. Его работа заключалась в контроле над всеми денежными потоками Джиона, а ручеек из этой реки наличности тек ему прямо в карман. Это не означает, что он воровал, просто так работала система. Понимая важность работы Авайи, каждая гейша считала своим долгом доставить ему удовольствие. Поэтому за ним закрепилась репутация человека, проводившего без своих элегантных одежд столько же времени, сколько и в них.

Хацумомо долго разговаривала с Авайи и наконец сообщила ему о цели своего визита. Она пришла зарегистрировать меня, чтобы я могла посещать школу. До этого Авайи практически не обращал на меня внимания, но тут он повернул свою гигантскую голову и открыл жалюзи, чтобы лучше меня видеть.

– Я не верю своим глазам! Почему ты не сказала мне, что приведешь такую красивую девочку? Ее глаза цвета стекла...

– Стекла? – переспросила Хацумомо. – У стекла нет цвета, Авайи-сан.

– Конечно же, есть. Оно искристо-серое. Когда ты смотришься в зеркало, то видишь только себя, а я вижу и его цвет.

– Да? А мне этот цвет неприятен. Я однажды видела, как море выбросило на берег мертвого человека, так его язык был именно такого цвета, как ее глаза.

– Наверное, ты слишком красива сама, чтобы видеть красоту вокруг, – сказал Авайи, открывая регистрационную книгу. – Тем не менее давай зарегистрируем ее. Итак... Чио, правильно я запомнил? Скажи мне, Чио, пожалуйста, свое полное имя и место рождения.

Когда я услышала эти слова, я представила, как Сацу сидит перед Авайи и с ужасом смотрит ему в глаза. Она наверняка была именно в этой комнате; если меня регистрируют, значит, и она прошла через это.

– Моя фамилия Сакамото, – ответила я. – Я родилась в Йоридо. Вы ведь слышали об этом городе от моей старшей сестры Сацу?

Я думала, Хацумомо очень рассердит мой ответ, но мне показалось, она даже обрадовалась, что я завела об этом разговор.

– Если она старше тебя, то ее должны были зарегистрировать раньше, но я не помню ее. Думаю, ее нет в Джионе.

Теперь я поняла причину радости Хацумомо. Она заранее знала ответ Авайи. Но в Киото есть и другие районы, где живут гейши, видимо, Сацу в одном из них. Я должна ее найти.

Я вернулась в окею, и Анти отвела меня в баню, расположенную в конце нашей улицы. Я ходила туда и раньше, но не с Анти, а со старшими служанками, снабжавшими меня кусочком мыла и небольшим полотенцем. Сидя на корточках, они мыли друг друга, а я мылась сама. Сегодня же Анти предложила помыть мне спину. К моему удивлению, она совершенно меня не стеснялась и вела себя так, словно ее свисающие длинные груди были не более чем бутылки. Она даже несколько раз случайно задела ими мое плечо.

После бани мы вернулись в окею, и я впервые надела ярко-голубое, с рисунком из зеленых листьев, шелковое кимоно, воротник и рукава которого обрамлял орнамент из желтых цветов. Потом она проводила меня в комнату Хацумомо, предварительно предупредив, чтобы я ни в коем случае не смутила и не разозлила ее. Чуть позже я поняла, зачем она мне это говорила. Рано утром гейша выглядит как любая другая женщина. Ее лицо может быть жирным, а дыхание – неприятным. Только прическа сохраняется даже ночью, но во всем остальном гейша ничем не отличается от других женщин. А гейшей она становится лишь после того, как подольше посидит перед зеркалом и аккуратно наложит грим. Правда, просто гейша становится настоящей гейшей, только когда и ход ее мыслей начинает отличаться от обычного.

Мне предложили сесть рядом с Хацумомо, где я могла видеть ее лицо в крошечном зеркале на ее столике. Она сидела на коленях на подушке в хлопчатобумажном платье и держала в руке пять кисточек разного размера и формы. Некоторые были широкими, как веер, другие выглядели как палочки для еды. Наконец она обернулась и показала их мне.

– Это мои кисточки, – сказала она. – А это узнаешь? – И она протянула мне стеклянную баночку с белым содержимым и покрутила ею в воздухе перед моим носом. – Это то, что я велела тебе никогда не трогать.

– Я ее не трогала.

Она несколько раз понюхала закрытую баночку и сказала:

– Да, ты не трогала.

Потом поставила баночку, взяла три пигментные палочки и разложила передо мной на ладони, давая мне возможность хорошо разглядеть их.

– Это тени. Можешь посмотреть.

Я взяла одну палочку из ее рук. Она была размером с детский пальчик, но твердая и гладкая, как камень.

Хацумомо убрала пигментные палочки и достала нечто очень напоминающее деревянную палочку, обуглившуюся с одного края.

– Это – дерево *паулония*, мы используем его для подводки бровей. А это воск. – Она взяла два кусочка воска и дала мне в руки. – Как ты думаешь, для чего я тебе все это показываю?

– Чтобы я поняла, как вы делаете макияж, – ответила я.

– О Боже, нет! Я показываю тебе все это, чтобы ты поняла – в макияже нет никакого волшебства. И один макияж не превратит несчастную Чио во что-то прекрасное.

Хацумомо повернулась к зеркалу и начала открывать баночку с желтым кремом, мурлыча себе под нос какую-то песенку. Если я вам скажу, из чего изготавливался этот крем, вы не поверите, – из соловьиного помета, и это чистая правда. В те годы многие гейши пользовались этим кремом, считая его очень полезным для кожи. Из-за его дороговизны Хацумомо положила только немного крема вокруг глаз и на губы. Затем она взяла небольшой кусочек воска и, размягчив его в пальцах, втерла его в кожу лица, а затем шеи и груди. Вытерла руки тряпкой, а потом одной из кисточек растерла нечто напоминающее мел до пастообраз-

ного состояния и намазала эту пасту на лицо и шею, оставив непокрытыми нос, области вокруг глаз и губ. Лицо Хацумомо стало напоминать маску, подобную тем, какие дети вырезают из белых листов бумаги. Другими кисточками она заполнила пастой более мелкие участки. Ее лицо стало выглядеть так, словно побывало в мешке с мукой. Она походила на демона, и тем не менее я испытывала ревность и стыд одновременно. Ведь уже через час мужчины будут замороженно смотреть на ее лицо, а я останусь здесь, в окейе, взмокшая и бледная.

Она увлажнила пигментные палочки и добавила краски на щеки. Я уже несколько раз видела, как Хацумомо заканчивала свой макияж. Каждый раз, в зависимости от цвета кимоно, она выбирала разные оттенки красного цвета для румян. В этом не было ничего необычного, но она использовала более темные оттенки, чем другие гейши. Я не понимала всех тонкостей, но знала, что Хацумомо умна и умеет подчеркнуть свою красоту.

Глава 6

Что бы мы ни думали о Хацумомо, она была императрицей в нашей окейе, с тех пор как начала зарабатывать деньги, на которые мы все и жили. И как императрица, она проявляла недовольство, если, придя поздно ночью домой, оказывалась в темном дворце со спящими слугами. Если она приходила слишком пьяной и не могла даже снять носки, кто-то должен был за нее это сделать. Если она хотела есть, ей, конечно, не приходилось идти на кухню и готовить для себя что-нибудь вроде *умебоши очазуке* – ее любимой закуски, приготовленной из остатков риса и консервированных кислых слив, замоченных в горячем чае.

Наша окейя не была исключением. Ждать и встречать гейшу, возвращающуюся вечером домой, всегда поручали самым молодым «коконам», как часто называли обучающихся на гейш девочек. С того момента как я пошла в школу, самым молодым «коконом» в окейе оказалась я. Задолго до полуночи Тыква и две старшие служанки уже спали в своих постелях в холле рядом со мной. Я же боролась со сном примерно до двух часов ночи. Кроме того, рядом с моей постелью находилась комната Грэнни, спавшей со светом и обязательно оставлявшей дверь приоткрытой. Луч света, падающий на мою пустую кровать, возвращал мою память к одному эпизоду, случившемуся незадолго до нашего отъезда из деревни. Я вошла в мамину комнату, которую отец дополнительно затемнил, накинув рыбацкие сети поверх бумажных жалюзи. Мне захотелось открыть окно, и яркий луч света упал на мамину постель и высветил ее бледную и костлявую руку.

И когда я видела луч света на своей постели, падающий из комнаты Грэнни, я задавалась вопросом, а жива ли мама. Я верила, что обязательно почувствую ее смерть, ведь мы с ней так похожи, – но никаких знаков не было.

Однажды вечером я уснула и проснулась только от хлопка открывшейся наружной двери. Хацумомо бы очень рассердилась, увидев меня спящей, поэтому я изо всех сил пыталась принять бодрый вид. Когда отворилась дверь в холл, я с удивлением увидела мужчину, одетого в традиционный рабочий жакет, обтягивающий бедра, и крестьянские брюки, хотя и совершенно не похожего на крестьянина или рабочего. Уложенные гелем на современный манер волосы и борода придавали ему интеллигентный вид. Он наклонился и обхватил мою голову руками.

– До чего же ты хорошенькая, – сказал он низким голосом. – Как тебя зовут?

Я решила, что это рабочий, и не понимала, почему он пришел так поздно, но спросить его об этом побоялась и назвала свое имя. Он лизнул палец языком и смахнул им ресничку с моей щеки.

– Йоко еще здесь? – спросил он.

Йоко звали молодую девушку, работавшую в холле с обеда до позднего вечера. Тогда все окейи и чайные дома объединяла частная телефонная станция. Йоко была самым занятым в окейе человеком. Она принимала по телефону приглашения для Хацумомо, причем некоторые из них поступали за полгода или год. Обычно график Хацумомо формировался только к утру текущего дня, и звонки продолжались до позднего вечера. В тот вечер телефон почти не звонил, и Йоко, вероятно, заснула. Но гость не стал дожидаться ответа, жестом показал, что нет причин волноваться, и направился по коридору в комнату прислуги.

Я услышала извинения действительно задремавшей у телефона Йоко. Она связалась с несколькими чайными домами, прежде чем нашла Хацумомо и сообщила ей о приезде в город актера кабуки Оно Шикан. Но на самом деле под этим именем скрывался кто-то другой.

После звонка Йоко отправилась спать. Ее несколько не беспокоило присутствие в комнате прислуги мужчины, и я тоже для себя решила никому не говорить об этом. И это было правильно. Появившаяся через двадцать минут Хацумомо остановилась в холле и сказала мне:

– Я еще ничего не предприняла, чтобы сделать твою жизнь здесь невыносимой. Но если ты хотя бы намекнешь кому-нибудь о присутствии здесь мужчины или о моем раннем возвращении в окею, все изменится.

Она пошла в комнату прислуги и закрыла за собой дверь. Послышался короткий громкий разговор, и окея затихла. Изредка мне казалось, я слышала всхлипывание или стон, но звуки были такие тихие, что я не уверена, не почудились ли они мне. Не скажу, что я знала, чем они занимались, но в тот момент я вспомнила Сацу, снимающую свой купальник перед сыном Суджи. Я испытала одновременно такое отвращение и любопытство, что даже если бы могла уйти со своего места, то вряд ли бы это сделала.

Неделю спустя Хацумомо со своим любовником, оказавшимся хозяином ближайшего ресторанчика, снова пришли в окею и заперлись в комнате прислуги. Они встречались и раньше, но в других местах. Я знала об этом, порой нечаянно оказываясь свидетелем телефонного разговора, когда Йоко просили передать сообщения для Хацумомо. Вся прислуга знала, чем занимается Хацумомо, и то, что ни одна из нас не сказала об этом Маме, Анти или Грэнни, говорило о довлеющей над нами власти Хацумомо. Из-за этого любовника у нее возникали проблемы. Во-первых, она ничего не зарабатывала в часы, проведенные с ним. Ей часто приходилось уходить из чайных домов с вечеринок, приносивших большие деньги. Кроме того, любой состоятельный мужчина, заинтересованный в длительных отношениях, вряд ли подумает о Хацумомо, узнав о ее шашнях с хозяином ресторанчика.

Однажды ночью, возвращаясь от колодца во дворе, я услышала, как открылась наружная дверь и с грохотом ударилась о дверную раму.

– Хацумомо-сан, – произнес грудной голос, – ты всех разбудишь...

Я никогда не понимала, почему Хацумомо так рисковала и приводила своего любовника в окею, может, именно риск возбуждал ее. Раньше она всегда старалась не создавать лишнего шума. Я поспешила опуститься на колени, и уже через минуту Хацумомо оказалась в холле с двумя свертками из мешковины. За ней вошла другая гейша, настолько высокая, что ей пришлось пригнуться, проходя сквозь дверной проем. Когда она выпрямилась и посмотрела на меня, я заметила неестественно большие губы, сильно утяжелявшие ее длинное лицо. Никто не смог бы сказать, что она красива.

– Это наша глупая младшая служанка, – пропела Хацумомо, указав на меня. – Думаю, у нее есть имя, но почему бы тебе не называть ее просто Маленькая Госпожа Дурочка?..

– Хорошо. Маленькая Госпожа Дурочка, – обратилась ко мне незнакомка. – Сходи принеси нам с твоей старшей сестрой что-нибудь выпить.

Так это ей, а не любовнику Хацумомо принадлежал грудной голос, который я слышала во дворе...

Обычно Хацумомо пила особую разновидность саке под названием *амакучи*, очень легкий и сладкий. Но *амакучи* готовили только зимой, и он уже давно закончился. Вместо него я налила два стакана пива и понесла им. Подруги спустились во внутренний двор. Хацумомо положила пакеты на столик и уже собиралась открыть один из них.

– Я не хочу пива! – взвизгнула она и выплеснула пиво из обоих стаканов под ноги.

– Но я хочу, – с запозданием сказала ее подруга, – почему ты вылила мое?

– Успокойся, Корин! Тебе лучше больше не пить. Ты только посмотри сюда, ты умрешь от счастья, когда увидишь, что здесь.

Хацумомо вынула из свертка изысканное шелковое газовое кимоно зеленого цвета, больше подходящее для летней, а не для осенней погоды. Подруга Хацумомо, глядя на него, восхищенно вздохнула. Я решила, что мне лучше раскланяться и удалиться, но Хацумомо остановила меня:

– Не уходи, Маленькая Госпожа Дурочка. – Она повернулась к подруге и сказала ей: – А сейчас пришло время загадок. Угадай, чье это кимоно?

– Я думаю, мое! – ответила Корин.

– Нет, оно принадлежит ни больше ни меньше самой ненавистной нам гейше.

– Хацумомо... ты гений. Как тебе удалось добыть кимоно Сатоки?

– Я имею в виду не Сатоку! Я говорю о... Госпоже Совершенство!

– О ком?

– О Госпоже *Я-гораздо-лучше-чем-вы*, вот о ком!

Выждав длинную паузу, Корин произнесла:

– Мамеха! О Боже, это кимоно Мамехи. Как я могла не узнать! Но как тебе удалось заполучить его?

– Несколько дней тому назад я забыла кое-что в театре кабуренью во время репетиции, – сказала Хацумомо. – А когда вернулась, мне показалось, я услышала стоны около лестницы. Я подумала: «Не может быть! Это слишком забавно!» Когда я подползла и включила свет, догадайся, кого я увидела лежащими на полу и похожими на два *суши*?

– Не могу поверить, что это была Мамеха.

– Не будь идиоткой. Она слишком осторожна, чтобы пойти на такое. Оказалось, это ее служанка и сторож театра. Я знала, она сделает все, чтобы я никому не рассказала об этом, поэтому позже подошла к ней и потребовала у нее кимоно Мамехи. Она даже разрыдалась, когда поняла, какое кимоно я имею в виду.

– А что здесь? – спросила Корин, указывая на второй пакет.

– Тоже кимоно, которое я заставила эту девчонку купить на свои собственные деньги.

– Свои собственные деньги? – удивилась Корин. – Но какая служанка может себе позволить купить кимоно?

– Если она и не купила его, как сказала мне, то меня мало волнует, где она его взяла. В любом случае Маленькая Госпожа Дурочка сейчас пойдет и повесит его в мою кладовую.

– Но, Хацумомо-сан, мне не разрешают входить в кладовую, – сказала я.

– Если ты хочешь узнать, где твоя старшая сестра, не заставляй меня ничего повторять дважды. Как только ты исполнишь мое приказание, то сможешь задать мне любой вопрос, и я на него отвечу.

Я ей, конечно, не очень-то поверила, но Хацумомо манипулировала мной как хотела, оставалось только соглашаться.

Она подала мне кимоно, завернутое в мешковину, проводила меня до кладовой, расположенной во внутреннем дворе, открыла дверь и включила свет. Я увидела полки, заваленные простынями и подушками. Хацумомо схватила меня за руку и указала на лестницу, ведущую вверх.

– Кимоно там, – сказала она.

Я поднялась по лестнице и открыла раздвижные двери. В этом шкафу вдоль стен вместо полок располагались лакированные ящики, поставленные один на другой до самого потолка. Между двумя рядами ящиков шел узкий коридор, в конце которого располагались окна. Это помещение освещалось ярче, чем нижнее, так что я смогла прочесть на каждом ящике надписи черного цвета, например: *Ката-Комон, Ро*, то есть: «Трафаретный рисунок, шелковый газ», или *Куромонтсуки, Авас* – «Черные парадные платья на подкладке». Честно говоря, я тогда еще не знала всех букв, но тем не менее легко нашла ящик с именем Хацумомо. Я достала его и положила новое кимоно к старым, также завернутым в мешковину. Увидев кладовую с таким обилием вещей, я наконец поняла, почему Грэнни так боится огня. Эта коллекция кимоно стоила раза в два дороже, чем деревня Йоридо и город Сензуру, вместе взятые. Хотя, как я узнала гораздо позже, самые дорогие кимоно хранились в другом месте. Их надевали

только начинающие гейши, а так как Хацумомо уже не могла их носить, они находились в арендованном хранилище до тех пор, пока опять не понадобятся.

Когда я вернулась во внутренний двор, Хацумомо вынесла из своей комнаты чернила и кисточку для каллиграфии. Я думала, она хочет написать записку и вложить в новое кимоно. Она добавила немного воды в чернильницу и, когда жидкость стала густой и черной, окунула кисть в чернила. Затем вложила кисть в мою руку и сказала:

– Попрактикуйся в каллиграфии, маленькая Чио.

Кимоно, принадлежавшее Мамехе – гейше, имени которой я раньше никогда не слышала, было произведением искусства.

– Я не могу этого сделать, Хацумомо-сан! – вскричала я.

– Как тебе не стыдно, дорогая, – включилась в разговор ее подруга. – Если Хацумомо еще раз повторит свою просьбу, ты упустишь возможность найти свою сестру.

– Замолчи, Корин. Чио прекрасно знает, она должна выполнять любое мое приказание. Напиши что-нибудь на ткани, Госпожа Дурочка. Мне не важно что.

Когда я дотронулась до кимоно, потрясенная Корин вскрикнула. На крик в коридор выбежала служанка в длинной ночной рубашке. Хацумомо топнула ногой и подалась всем телом вперед, и этого оказалось достаточно, чтобы служанка тотчас же исчезла. Корин осталась довольна слабыми штрихами, нанесенными мной на зеленое кимоно, и Хацумомо показала мне, как нужно его пачкать. Затем, удовлетворенная результатом, она запаковала кимоно и перевязала его лентой. Гейши направились к выходу, и когда открыли дверь на улицу, Хацумомо велела мне идти следом.

– Хацумомо-сан, но если я выйду из океи без разрешения, Мама рассердится и...

– Я тебе разрешаю, – прервала меня Хацумомо. – Мы ведь должны вернуть кимоно. Я надеюсь, мне не придется тебя долго ждать?

Итак, мне не оставалось ничего другого, как обуться и плестись вслед за ними по улице, красиво вымощенной камнем. Мы прошли квартал, освещенный лунным светом, и оказались у деревянного моста, ведущего в неизвестную мне часть Джиона. Здесь располагалось множество чайных домов с залитыми теплым светом окнами. Из одного дома доносился смех мужчин и гейши, должно быть, там происходило что-то веселое. Я подумала: а ведь для кого-то Джион очень интересный город. На какое-то мгновение я представила, что на одной из этих вечеринок может быть Сацу, хотя, по словам Авайюми из регистрационного офиса, ее нет в Джионе.

В конце концов Хацумомо и Корин остановились перед деревянной дверью.

– Ты поднимешься по лестнице и отдашь это кимоно служанке, – сказала мне Хацумомо. – Или если Госпожа Совершенство сама откроет дверь, отдашь ей. Не говори ничего, просто передай ей сверток. Мы будем внизу наблюдать за тобой.

Она вложила сверток мне в руки, а Корин открыла дверь. Дрожа от страха, едва дойдя до середины пути, я остановилась, но слышала громкий шепот Корин:

– Иди дальше, малышка! Мы разорвем тебя на части, если ты вернешься назад с кимоно. Правда же, Хацумомо-сан?

Хацумомо только вздохнула, но ничего не сказала. Корин вглядывалась в темноту, стараясь разглядеть меня, а Хацумомо грызла ноготь, не обращая на меня внимания. Несмотря на ужас, испытанный мной тогда, я не могла не заметить, как же красива была Хацумомо. Порой безжалостная, как паук, Хацумомо, грызущая ноготок, все же была прекраснее любой другой гейши, позирующей перед фотографом. А Корин рядом с ней выглядела как булыжник рядом с драгоценным камнем. Казалось, Корин неудобно в ее кимоно, оно постоянно путалось у нее под ногами, в то время как на Хацумомо кимоно сидело так, будто было ее второй кожей.

Дойдя до конца лестницы, я наклонилась в темноту и громко сказала:

– Простите, пожалуйста!

Я подождала, но никто не откликнулся.

– Громче, – сказала Корин. – Они ведь тебя не ждут.

Я почти закричала:

– Простите!

– Подождите минутку! – послышался приглушенный голос, и вскоре дверь открылась.

Открывшая мне девочка казалась не старше Сацу, но была худенькая и нервная, как птица. Я протянула ей сверток. Она очень удивилась, но безучастно взяла его у меня.

– Кто там, Асами-сан? – спросил чей-то голос из апартаментов.

Я увидела бумажный фонарик, стоящий на тумбочке рядом с кроватью. Постель была приготовлена для гейши Мамехи. Я могла судить об этом по тому, что там лежали шелковые простыня и покрывало, а также *пиксиакура* – «высокая подушка», – точно такая же, как у Хацумомо. На самом деле она мало похожа на обычную подушку и представляет собой деревянную подставку с опорой для шеи, благодаря которой гейша может сохранить свою сложную прическу.

Служанка не ответила, а быстро распаковала кимоно. Увидев чернильные пятна на нем, она вскрикнула и прикрыла рот рукой. Слезы моментально хлынули из ее глаз, а в это время опять послышался голос:

– Асами-сан! Кто там?

– Никого, госпожа! – крикнула служанка.

Мне было ужасно стыдно перед ней. Она же быстро вытерла глаза рукавом. Пока она закрывала дверь, я успела одним глазком увидеть ее хозяйку, и мне стало понятно, почему Хацумомо назвала ее Госпожа Совершенство. Ее лицо, совершенной овальной формы, просто кукольное, выглядело очень нежным и хрупким, как китайский фарфор, даже без косметики. Она направилась к двери, но служанка быстро закрыла дверь, и я больше ничего не увидела.

На следующий день, вернувшись после уроков в окею, я застала Маму, Грэнни и Анти в приемной на первом этаже. Они говорили о кимоно. Когда появилась Хацумомо, Мама встретила ее на лестнице.

– Этим утром к нам приходили Мамеха и ее служанка, – сказала она.

– О, Мама, мне все известно. Я себя ужасно чувствую из-за этого кимоно. Я пыталась остановить Чио, когда увидела, как она пачкает кимоно чернилами, но было слишком поздно. Она думала, что это мое кимоно! Не знаю, почему она так возненавидела меня, с самого ее появления здесь... Наверное, она испортила кимоно только для того, чтобы разозлить меня!

– Все знают, как ты ненавидишь Мамеху, – сказала Анти. – Ты ненавидишь любого, кто более удачлив, чем ты.

– Означает ли это, Анти, что я должна быть в восторге от тебя, учитывая, какая ты неудачница?

– Замолчите! – крикнула Мама. – Послушай теперь меня, Хацумомо. Думаю, ты не считаешь всех настолько безголовыми, способными поверить твоим словам. Я не хочу, чтобы такое происходило в окее. Я очень уважаю Мамеху и не допущу повторения подобных историй. Но за кимоно кто-то должен заплатить. Я не знаю, что произошло вчера вечером, но это и не принципиально, кто держал кисточку. Служанка видела кисть в руках у девочки. Девочка и заплатит, – закончила Мама и сунула в рот трубку.

Грэнни вышла из приемной и попросила служанку принести бамбуковую палку.

– У Чио и так много долгов! – возмутилась Анти. – Не понимаю, почему она должна расплачиваться за Хацумомо?

– Довольно об этом, – прервала ее Грэнни. – Девчонку надо избить и заставить возместить стоимость кимоно, и все тут. Где бамбуковая палка?

– Я побью ее сама, – сказала Анти. – Не хочу, Грэнни, чтобы у тебя опять болели суставы. Подходи, Чио.

Анти подождала, пока служанка принесет палку, а затем вывела меня во внутренний двор. От злости ее ноздри расширились, а глаза собрались в точку. С момента моего появления в окейе я старалась не делать ничего, за что здесь избивают палкой.

Но Анти отложила палку и спокойно сказала мне:

– Что ты сделала Хацумомо? Она пытается выжить тебя. Должна же быть какая-то причина, и я хочу ее знать.

– Уверяю тебя, Анти, она так относится ко мне с самого первого дня моего пребывания здесь. Я ничего плохого ей не делала.

– Грэнни может называть Хацумомо дурой, но поверь мне, она не дура. Если она захотела помешать тебе, она это сделает. Прекрати злить ее.

– Я ничего не делала, Анти, это сущая правда.

– Ты не должна ей доверять ни в чем, даже если она вызовется тебе помочь. Она уже повесила на тебя такие долги, какие ты никогда не сможешь отдать.

– Я не поняла, – сказала я, – какие долги?

– Хацумомо сделала так, что расплачиваться за испорченное кимоно придется тебе, а оно стоит столько, сколько ты себе сейчас даже представить не можешь.

– Но как я смогу заплатить?

– Когда ты начнешь работать гейшей, то вернешь окейе стоимость этого кимоно, а также все деньги, которые ты к тому времени задолжаешь за еду, занятия в школе, за оказанную тебе медицинскую помощь. За все это ты заплатишь сама. Как ты думаешь, почему Мама проводит часы за своими тетрадями с цифрами? Ты вернешь окейе даже деньги, потраченные нами на твое приобретение.

Долгие месяцы в Джионе я вспоминала разговор между господином Танака и отцом, думала о значении слова «подходящие», сказанного Госпожой Беспокойство обо мне и Сацу. Я часто с отвращением думала о господине Танака, наверняка получившем немало денег за помощь, оказанную при нашей продаже.

Мне было интересно, сколько мы стоили. Но я никогда не предполагала, что мне самой придется возмещать эти расходы.

– Ты не будешь платить до тех пор, пока не поработаешь какое-то время гейшей, – продолжала Анти. – И тебе никогда не удастся расплатиться, если ты не состоишься как гейша, как это произошло со мной. Тебя привлекает такая перспектива?

В тот момент я меньше всего думала о своем будущем.

– Есть очень много способов разрушить свою жизнь в Джионе, – сказала Анти. – Ты можешь попытаться убежать. Если ты хоть однажды сделаешь это, Мама поймет, что ты плохой объект для вложения денег. Она никогда не будет тратить на того, кто может в любой момент исчезнуть. Тебе придется прекратить свои занятия в школе, а без них ты никогда не сможешь стать гейшей. Или ты можешь плохо учиться и учителя не захотят дать тебе необходимые знания. Ты можешь также вырасти и стать такой же некрасивой женщиной, как я. Я не была такой непривлекательной, когда Грэнни купила меня у родителей, но я стала не лучше, а хуже, и Грэнни меня за это возненавидела. Однажды она сломала мне бедро, избивая меня за какую-то провинность, и я перестала работать как гейша. И именно поэтому сегодня я сама взялась избить тебя, чтобы, не дай Бог, ты не попала в руки Грэнни.

Анти положила меня на живот. Мне было все равно, избьют меня или нет, ничто уже не могло ухудшить данную ситуацию. Мое тело вздрагивало под палкой, я выла, насколько могла громко, и представляла прекрасное лицо Хацумомо, насмехающееся надо мной. Анти закончила порку и оставила меня выплакаться. Вскоре я услышала приближающиеся ко мне шаги и увидела Хацумомо.

– Чио, я буду тебе очень признательна, если ты не будешь попадаться мне на глаза.

– Но вы обещали сказать мне, где я могу найти свою сестру, – возразила я.

– Да, обещала! – Она наклонилась ко мне: – Твоя сестра в *йору-я* Тацуйо, в районе Мия-гава-чо, на юге Джиона.

Она слегка оттолкнула меня ногой, и я отошла в сторону.

Глава 7

Я никогда раньше не слышала слова *йору-я*, поэтому следующим вечером, когда Анти уронила на пол коробку с нитками и иголками и попросила меня помочь их собрать, я спросила у нее:

– Анти, а что такое *йору-я*?

Анти не ответила, а потянулась за очередной катушкой с нитками.

– Анти! – окликнула я ее опять.

– Это такое особое место, в котором может оказаться Хацумомо, если получит по заслугам, – сказала она.

Она не собиралась больше ничего говорить, мне пришлось удовлетвориться и этим.

Но хотя я и не получила определенного ответа на свой вопрос, я хорошо поняла – Сацу гораздо хуже, чем мне. Поэтому я принялась думать, как мне можно туда поскорее попасть. К сожалению, частью моего наказания за кимоно было заключение в окейе на пятьдесят дней. Мне разрешалось в сопровождении Тыквы посещать школу, но меня не посылали за пределы окейи с поручениями. Конечно, я могла как-нибудь выйти из окейи, но это было бы довольно глупо. Я ведь даже не представляла, как искать район Тацуйо. А потом, обнаружив пропажу, за мной сразу бы послали господина Бэкку или кого-нибудь еще. Несколько месяцев назад из соседней окейи убежала молодая служанка. Так ее нашли уже на следующее утро и били несколько дней подряд настолько сильно, что приходилось затыкать уши от ее крика.

Не находя другого выхода, я решила ждать, пока истечет пятидесятидневный срок моего заключения. А пока я направила все свои усилия на то, чтобы отомстить Хацумомо и Грэнни за их жестокость. Хацумомо я подмешала в крем для лица голубиный помет, собранный со ступенек во внутреннем дворе. Крем уже содержал соловьиный помет, я об этом рассказывала, и, возможно, вреда я ей и не причинила, но сама получила моральное удовлетворение. Грэнни я отплатила тем, что постирала ее ночную рубашку вместе с тряпкой, предназначенной для мытья туалета, и с удовольствием наблюдала, как она с удивлением нюхает ее. Вскоре я узнала, что и повариха по собственной инициативе решила наказать меня за кимоно, лишив порции сушеной рыбы, выдававшейся дважды в месяц. Я долго не представляла, как смогу отомстить ей, пока не увидела ее гонящейся с деревянной колотушкой по коридору за мышкой. Как выяснилось, она ненавидела мышей больше, чем коты. Поэтому я собрала во дворе мышиный помет и разложила его в нескольких местах на кухне.

Однажды вечером, дожидаясь возвращения Хацумомо, я услышала телефонный звонок, после которого Йоко вышла и поднялась по лестнице наверх. Вниз она спустилась с сямисэном Хацумомо в руках, уложенным и упакованным в лакированный чехол.

– Отнеси его в чайный дом Мизуки, – сказала она мне. – Хацумомо проиграла пари и должна сыграть на сямисэне. Я не знаю, в чем дело, но она не хочет воспользоваться инструментом, предложенным ей в чайном доме. Думаю, она просто тянет время, так как много лет не играла на сямисэне.

Йоко, видимо, не знала, что мне запретили выходить из окейи. Она никогда не отлучалась надолго из комнаты прислуги, боясь пропустить важный звонок, и поэтому была мало посвящена в дела окейи. Я взяла сямисэн, и Йоко объяснила мне, как найти чайный дом Мизуки. Я кинулась к выходу в страхе, что кто-то может остановить меня. Прислуга, Тыква и три старшие женщины спали, а Йоко тоже скоро собиралась уйти. Мне показалось, момент искать Сацу настал.

Вдалеке слышался гром, а в воздухе пахло дождем. Я быстро шла по улице мимо групп мужчин с гейшами. На меня смотрели с удивлением. В те дни некоторые мужчины и женщины

Джионе зарабатывали себе на жизнь доставкой сямисэнов. Как правило, они были немолоды, и уж среди них точно не было детей. Меня бы не удивило, если бы некоторые прохожие подумали, что я украла сямисэн и теперь убегаю с ним.

Когда я дошла до чайного дома Мизуки, уже начинался дождь. Фасад здания оказался настолько элегантным, что я боялась перешагнуть порог. За небольшой занавеской, висевшей в дверном проеме, виднелись отделанные темным деревом нежно-оранжевые стены. Я набралась смелости, прошла за занавеску и ступила на пол из полированного гранита. Меня потрясло роскошное оформление всего лишь входа в чайный дом. Тогда я еще не знала, что это один из лучших чайных домов в Японии. Чайный дом, как вы видите, предназначен не только для чайных церемоний. Это место, куда приходят мужчины и где их развлекают гейши.

Неожиданно открылась раздвижная дверь, вышла молодая служанка и поклонилась мне. Видимо, она слышала стук моих башмаков о камень. На ней было красивое темно-синее кимоно с простым серым рисунком. Еще год назад я приняла бы ее за хозяйку этого замечательного места, но сейчас, после многих месяцев, проведенных в Джионе, я поняла – ее кимоно, хотя и красивее всего, что носили в Йоридо, все же слишком простое для гейши или хозяйки чайного дома. С простой прической и в простом кимоно, она тем не менее выглядела несравненно лучше, чем я. С сожалением посмотрев на меня, она сказала:

– Уходи отсюда!

– Хацумоמו просила...

– Уходи сейчас же! – повторила она и закрыла дверь, не дав мне возможности ничего сказать.

Дождь усиливался. Я обошла чайный дом и попробовала войти с заднего входа. Но дверь открыла та же служанка. Не сказав ни слова, она взяла из моих рук сямисэн.

– Госпожа, – произнесла я, – не могли бы вы сказать мне, где находится район Миягава-чо?

– Что тебе там нужно?

– Мне нужно там кое-что забрать.

Она как-то странно посмотрела на меня, но объяснила, как пройти.

Я решила переждать дождь под козырьком чайного дома. Прислонившись к окошку, я отчасти могла видеть происходящее внутри. В комнате татами, залитой оранжевым светом, шла вечеринка с участием большого количества мужчин и нескольких гейш. На столе стояли стаканы с пивом и чашечки для саке. В центре внимания был, как мне показалось, пожилой мужчина с мутными глазами. Потом я увидела Хацумоמו. Она смотрела на какую-то гейшу, стоявшую спиной ко мне.

Последний раз я видела господина Танака, когда с его младшей дочерью Кунико смотрела в щелку жалюзи чайного дома в Йоридо. Почему-то снова появилось чувство тяжести, уже испытанное мною у могил первой семьи отца, как будто земля тянула меня вниз. Я отошла от окна, села на каменную ступеньку у входа и заплакала. Мысли постоянно возвращали меня к господину Танака. Он забрал меня от мамы и отца, продал меня в рабство, продал мою сестру в какое-то ужасное место, а я принимала его за доброго человека. Он казался мне таким утонченным, таким мудрым. Какой же глупой девчонкой я была! Я решила больше никогда не возвращаться в Йоридо. А если и вернуться, то лишь затем, чтобы сказать господину Танака, как я его ненавижу.

Когда я наконец встала и вытерла глаза, дождь уже только слегка моросил. Валуны в аллее поблескивали при свете фонарей. Через несколько кварталов улицы совершенно опустели. В обычные времена район Миягава-чо был даже более оживленным, чем Джион, а тогдашнее запустение – следствие Великой депрессии. В тот вечер этот район показался мне очень тоскливым. Деревянные фасады выглядели почти так же, как в Джионе, но без деревьев, ручья Щиракава, красивых порталов. Освещались только крылечки зданий с сидящими на стульях пожи-

лыми женщинами и стоящими рядом с ними двумя или тремя молодыми, принятыми мною за гейш. Правда, пояса у них завязывались спереди, в то время как у гейш Джиона – сзади. Оказалось, это было отличительной чертой проституток. Женщина, вынужденная в течение вечера несколько раз развязывать пояс, не может утруждать себя завязыванием его сзади.

Эти женщины помогли мне найти Тацуйю в пустынной аллее рядом с тремя другими домами. На всех зданиях у входа весели вывески. Трудно описать мое состояние при виде вывески «Тацуйю». Я готова была взорваться. У входа тоже сидела пожилая женщина и разговаривала с молодой, стоявшей у противоположного входа.

– Уже три недели я не возвращаюсь, – говорила она. – Жена моего сына хорошо ухаживает за мной, ты знаешь. Она не очень умная, но работающая. Ты ее не встречала?

– Даже если и встречала, то уже не помню, – ответила молодая женщина. – Посмотри, маленькая девочка хочет тебе что-то сказать.

Пожилая женщина впервые обратила на меня внимание. Она ничего не сказала, лишь кивнула в знак того, что слушает меня.

– Скажите, пожалуйста, госпожа, – спросила я, – нет ли у вас девочки по имени Сацу?

– Нет у нас никакой Сацу, – ответила она.

Ее слова меня просто убили. Она же неожиданно оживилась при виде мужчины, направившегося ко входу. Несколько раз поклонившись ему, она сказала: «Добро пожаловать!» Он вошел в дом, а она вернулась на свое место.

– Ты еще здесь? – спросила меня пожилая женщина. – Я же тебе сказала, нет здесь никакой Сацу.

– Есть, – возразила молодая женщина напротив. – Ваша Юкийю. Я помню, раньше ее звали Сацу.

– Это может быть, – ответила старуха. – Но для этой девочки у нас нет никакой Сацу. За просто так я и пальцем не пошевелю.

– Если вы имеете в виду деньги, то Сацу вам заплатит, – сказала я.

– С какой стати она станет разговаривать с тебе подобными?

– Я ее младшая сестра.

Она поманила меня пальцем, а когда я подошла к ней, взяла меня за руки и покружила.

– Посмотри на нее, – обратилась старуха к женщине напротив. – Неужели она похожа на сестру Юкийю? Окажись наша Юкийю такой же хорошенькой, как эта, наш дом стал бы самым популярным в городе. Ты лгунья, вот ты кто.

С этими словами она подтолкнула меня в сторону аллеи.

Но я была настроена очень решительно. Я так долго шла сюда и не собиралась уходить только потому, что эта женщина мне не поверила. Я развернулась, поклонилась ей и сказала:

– Извините, если я показалась вам лгуньей. Но на самом деле это не так. Юкийю – моя сестра. Если бы вы оказали мне любезность и сказали ей обо мне, она бы вам заплатила столько, сколько вы скажете.

Видимо, я нашла правильные слова. И старуха обратилась к женщине, сидевшей напротив:

– Сходи вместо меня. Ты ведь сегодня не слишком занята. Кроме того, у меня очень болит шея. Я останусь здесь и присмотрю за девчонкой.

Молодая женщина встала со стула и пошла в Тацуйю. Я слышала, как она поднималась по лестнице. Наконец она вышла на улицу и сказала:

– У Юкийю посетитель. Как только она освободится, ей скажут, и она спустится вниз.

Старуха велела мне спрятаться за дверь, чтобы меня никто не увидел. Не знаю, сколько времени прошло, но я начала волноваться, как бы в окейе не обнаружили мое отсутствие. Наконец из дому вышел мужчина, ковыряясь во рту зубочисткой. Старуха встала, поклонилась ему и

поблагодарила его за посещение. Потом я услышала самые приятные для меня звуки с момента моего появления в Киото.

– Вы что-то хотели, госпожа?

Я услышала голос Сацу и подбежала к дверному проему, где она стояла. Ее лицо выглядело очень бледным, почти серым, хотя, может, так казалось из-за ярко-красного с желтыми цветами кимоно, надетого на ней. Губы покрывал слой яркой помады наподобие той, какой пользуется Мама. Пояс у нее был завязан спереди, так же как у женщин, встречавшихся мне по дороге сюда. Увидев ее, я почувствовала огромное облегчение и радость и с трудом удержалась, чтобы не броситься к ней в объятия. Сацу радостно вскрикнула и закрыла рот рукой.

– Хозяйка будет меня ругать, – сказала старуха.

– Я сейчас приду, – сказала ей Сацу и исчезла в Тацуйо.

Через минуту она появилась опять и положила несколько монет в руку старухе. Та решила ей пройти в свободную комнату на первом этаже.

– Если ты услышишь кашель, – добавила она, – значит, пришла хозяйка. Теперь быстро.

Вслед за Сацу я вошла в вестибюль Тацуйо, освещенный скорее коричневым, чем желтым светом. Сильно пахло потом. Под лестницей находилась раздвижная дверь. Сацу открыла ее, и мы вошли в крошечную комнату татами с одним окном, закрытым бумажными жалюзи. Света с улицы хватало только для того, чтобы видеть силуэт Сацу, черты лица были неразличимы.

– О, Чио, – сказала она, закрыла лицо руками и заплакала.

Я тоже принялась плакать.

– Сацу, это я во всем виновата!

Мы крепко обнялись в темноте, и я почувствовала, какая она костлявая. Она теребила мои волосы так, как это когда-то делала мама, отчего я буквально залилась слезами.

– Успокойся, Чио, – прошептала она мне. – Моя хозяйка убьет меня, если обнаружит тебя здесь. Почему ты так долго ко мне шла?

– Прости меня, Сацу. Я знаю, ты приходила ко мне в окею...

– Несколько месяцев назад.

– Женщина, с которой ты разговаривала в окейе, – сущий зверь. Она очень долго не говорила мне об этом.

– Я должна убежать, Чио. Я больше не в состоянии оставаться в этом месте.

– Я побегу с тобой.

– У меня под матрасом есть расписание поездов. При любом удобном случае я воровала деньги, и сейчас их у меня достаточно, чтобы заплатить госпоже Кишино. Ее избивают за каждый побег из дома. Она не позволит мне исчезнуть до тех пор, пока я не заплачу ей.

– Госпожа Кишино... Кто это?

– Старуха, сидящая у входа. Она собирается увольняться, и я не знаю, кто придет на ее место. Я не могу дольше ждать! Это ужасное место. Ни за что, Чио, не пожелаю тебе оказаться на моем месте! А сейчас лучше иди. Хозяйка может появиться здесь в любой момент.

– Но подожди, когда мы бежим?

– Стой в углу и не говори ни слова. Я должна сходить наверх.

Я сделала так, как она мне велела. Пока она отсутствовала, я слышала, как старуха у входа приветствовала мужчину, а затем его тяжелые шаги застучали в моей голове. Вскоре кто-то спустился, и дверь отворилась. Сначала я ужасно испугалась, но это оказалась только Сацу, выглядевшая очень бледной.

– Во вторник. Мы убежим поздно ночью во вторник, через пять дней. Сейчас я должна идти наверх. Ко мне пришел мужчина.

– Но подожди, Сацу. Где мы встретимся? В какое время?

– Не знаю... В час-два ночи. Но я не знаю где.

Я предложила встретиться около театра минамиза.

– Но там нас смогут заметить и легко найти, – сказала Сацу.

Мы договорились встретиться напротив театра, на другом берегу реки.

– Я должна идти.

– Но, Сацу... если я не смогу выйти? Или если мы не встретимся?

– Постарайся прийти, Чио! У меня только один шанс. Я так долго ждала. А сейчас уходи, пока не вернулась хозяйка. Если она застанет тебя здесь, я никогда не смогу убежать.

Мне так много хотелось рассказать ей, но она вывела меня в вестибюль и закрыла за мной дверь. Старуха, не дав мне посмотреть, как Сацу поднимается по лестнице наверх, схватила меня за рукав и вытолкнула в темноту.

Я буквально бежала из Миягава-чо и с облегчением увидела – в окейе так же спокойно, как и до моего ухода. Я вползла внутрь и села на колени, вытирая со лба и шеи пот и переводя дыхание. Когда я уже решила, что мое исчезновение осталось незамеченным, я похолодела, заметив чуть приоткрытую дверь в комнату прислуги. Обычно никто ее так не оставлял, разве в особенно жаркие дни. Услышав какие-то звуки за ней, я понадеялась, что это крыса. В противном случае это могла быть только Хацумомо с ее другом. Я сильно пожалела о походе в Миягава-чо. Мне так захотелось силой только одного желания повернуть время вспять. Я проползла в грязный коридор, дрожа от страха, и, оказавшись у двери в комнату прислуги, заглянула в щелку. Было очень плохо видно. Но мне показалось, я увидела крысу с ходившей ходуном головой, как будто она что-то жевала. К своему ужасу, я даже слышала хлюпающие звуки, издаваемые ею при жевании. Казалось, она стоит на чем-то верхом, я не поняла на чем. По сторонам от нее лежали два свертка, скорее всего рулоны ткани. Должно быть, Йоко оставила что-то съедобное в комнате. Я уже хотела закрыть дверь, боясь, что крыса выбежит в коридор, как услышала женский стон. Потом из того места, где сидела крыса, появилась голова Хацумомо и уставилась прямо на меня. Я отскочила от двери. То, что я приняла за рулоны ткани, оказалось ногами Хацумомо, а за крысу – бледной рукой ее друга, торчащей из рукава.

– Что случилось? – услышала я голос ее любовника. – Здесь кто-то есть?

– Все нормально, – прошептала Хацумомо.

– Здесь кто-то есть.

– Да нет здесь никого, – сказала она. – Мне тоже слышались какие-то звуки, но там никого нет.

У меня не было сомнений: Хацумомо видела меня. Но она явно не хотела, чтобы ее друг узнал об этом. Я поползла обратно в холл, чувствуя себя так, словно меня переехал троллейбус. Какое-то время из комнаты прислуги доносились стоны и шум, затем они прекратились. Когда Хацумомо и ее друг вышли в коридор, он в упор посмотрел на меня.

– Этой девочки в холле не было, когда мы вошли, – произнес он.

– Не обращай на нее внимания. Она сегодня ушла из окейи, хотя не имела на это права. Я разберусь с ней позже.

– Кто-то следил за нами. Почему ты меня обманываешь?

– Койчи-сан, – сказала она, – вы сегодня в очень плохом настроении!

– Ты даже не удивилась, увидев ее. Ты знала, что она была здесь все это время.

Друг Хацумомо пристально посмотрел на меня. Я опустила глаза и покраснела. Хацумомо помогала ему обуться. Она заговорила с ним так, как никогда ни с кем не разговаривала, умоляющим, почти плачущим голосом.

– Койчи-сан, пожалуйста, – сказала она, – успокойтесь. Не знаю, что с вами случилось этой ночью. Приходите завтра опять...

– Я не хочу тебя завтра видеть.

– Я ненавижу, когда вы заставляете меня так долго ждать, и готова встретиться с вами в любом месте, где скажете, хоть на дне реки.

– Я нигде не хочу с тобой встречаться. Моя жена постоянно следит за мной.

– Тогда приходите сюда. У нас есть комната прислуги...

– Хорошо, если тебе нравится, когда за тобой следят... Хацумомо, я пошел. Я хочу домой.

– Пожалуйста, не сердитесь на меня, Койчи-сан. Обещайте мне, что вы придете, пусть даже не завтра.

– Однажды я не приду, – сказал он. – Я тебе это уже говорил.

Я услышала, как открылась и вновь закрылась наружная дверь. Спустя какое-то время Хацумомо вернулась в коридор и долго стояла, глядя в одну точку. Наконец она повернулась ко мне, смахивая слезы с глаз.

– Итак, маленькая Чио, – сказала она. – Ты ведь ходила навестить свою старшую сестру?

– Не надо, Хацумомо, – сказала я.

– А потом ты вернулась и подглядывала за мной!

Громкий голос Хацумомо разбудил одну из старших служанок. Она приподнялась на локте и посмотрела на нас, но Хацумомо закричала на нее:

– Иди спать, старуха!

Служанка покачала головой и легла на подушку.

– Хацумомо-сан, я сделаю все, что вы скажете, – сказала я. – Мне бы не хотелось расстраивать Маму.

– Конечно, ты сделаешь все, что я захочу. Это даже не обсуждается. Но у тебя будут проблемы.

– Я относилась к вам сямисэн.

– Но прошло уже больше часа. Ты встречалась со своей сестрой, и вы строили планы относительно побега. Ты принимаешь меня за дурочку? А после этого ты вернулась и шпионила за мной!

– Простите меня, пожалуйста, – сказала я. – Я не знала, что вы были там. Я думала, это была...

Я хотела сказать: крыса, но подумала, что она плохо это воспримет.

Она долго смотрела на меня и в конце концов пошла наверх в свою комнату. Когда она вернулась, то держала что-то в руках.

– Ведь ты хочешь убежать со своей сестрой, правда же? – спросила она. – Думаю, это хорошая идея. Чем раньше ты исчезнешь из окейи, тем лучше для меня. Некоторые считают меня бессердечной, но это не так. Очень трогательно представить тебя и эту жирную корову, пытающихся жить где-нибудь еще, одних в целом мире. Чем раньше ты убежишь, тем лучше для меня. Вставай!

Я встала, хотя очень боялась, как бы она мне что-нибудь не сделала. Поэтому когда она шагнула, направляясь ко мне, я отошла назад.

– Посмотри, – сказала она и разжала пальцы. На ладони лежали деньги в таком количестве, какое мне не доводилось видеть раньше. – Я принесла их из своей комнаты для тебя. Благодарить меня не нужно. Возьми их, и все. Это плата за твое исчезновение из Киото и за счастье никогда больше тебя не видеть.

Анти советовала мне никогда не доверять Хацумомо, даже если она предлагает помощь. И когда я вспомнила, как сильно она меня ненавидит, то поняла, что это вовсе не помощь. Хацумомо помогала себе избавиться от меня. Я стояла неподвижно, пока она не заткнула деньги мне за пояс. Потом она повела себя очень странно: стала похлопывать меня рукой по голове, по-матерински глядя на меня. Сама мысль о возможности доброго отношения Хацумомо ко мне казалась дикой. Все равно как если бы ядовитая змея вдруг стала ластиться, как кошка. Потом она неожиданно схватила меня за волосы и дернула так сильно, что я едва устояла на ногах и взвыла от боли. Я не понимала, что происходит, но Хацумомо опять дернула меня за волосы и потянула в сторону лестничной клетки. Она громко кричала на меня, а я

одновременно орала от боли, пожалуй, еще громче, чем она. И неудивительно, что мы многих разбудили на нашей улице.

Дотащив меня до лестницы, Хацумомо постучала в дверь комнаты Мама и позвала ее. Очень быстро появилась сердитая Мама, завязывая на ходу пояс.

– Что с вами случилось? – спросила она.

– Мои украшения! – сказала Хацумомо. – Эта идиотка...

Тут она принялась избивать меня. Мне ничего не оставалось, как свернуться калачиком на полу и кричать ей, чтобы она прекратила. Маме и вышедшей на лестничную клетку Анти как-то удалось ее умирить.

– О Мама, – вздохнула Хацумомо, – когда я возвращалась сегодня вечером домой, то в конце аллеи я увидела Чио, разговаривающую с незнакомцем. Я подумала, что ошиблась, ведь она сейчас не имеет права выходить из окейи. Но у себя в комнате на видном месте я обнаружила распотрошенную коробку с моими драгоценностями. Я выбежала на улицу и увидела, как Чио что-то передавала мужчине. Она попыталась вырваться, но я ее поймала.

Мама не проронила ни слова и не сводила с меня глаз.

– Мужчина ушел, – продолжала Хацумомо, – но Чио, видимо, продала драгоценности и получила от него деньги. Она, я думаю, собирается бежать из окейи... Это ее благодарность нам за все хорошее, сделанное для нее.

– Хорошо, Хацумомо, – сказала Мама. – Достаточно. Иди с Анти к себе в комнату и посмотрите, что исчезло.

Когда я осталась наедине с Мамой, я посмотрела на нее, продолжая лежать на полу, и прошептала:

– Мама, это неправда... Хацумомо была в комнате прислуги со своим любовником. Он ее чем-то огорчил, и она вымещает свою злость на мне. Я ничего у нее не брала.

Мама ничего не ответила, я не уверена даже, расслышала ли она мои слова. Вскоре появилась Хацумомо и сказала, что пропала брошь для украшения пояса.

– Моя изумрудная брошь, Мама, – произнесла она и заплакала, как хорошая актриса. – Она продала мою изумрудную брошь этому ужасному мужику. Мою брошь! Кто дал ей право воровать чужие вещи?

Однажды, в возрасте шести лет или около того, я увидела, как в углу нашего дома паук плетет паутину. Он еще не окончил свою работу, когда комар упал прямо в сеть и застрял в ней. Сначала паук не обращал внимания на комара, но, едва окончив свою работу, набросился на него и задушил. Сейчас, сидя на деревянном полу в окейе, я ощущала себя в паутине, сплетенной для меня Хацумомо. Я не могла объяснить происхождение наличных денег, оказавшихся у меня за поясом. Когда Хацумомо вынула деньги, Мама взяла их у нее из рук и пересчитала.

– Ты продешевила, изумрудная брошь стоит гораздо больше, – сказала она мне. – Но еще больше тебе придется заплатить, рассчитываясь за нее.

Она убрала деньги в карман своей ночной рубашки и сказала Хацумомо:

– У тебя сегодня был любовник.

Хацумомо слегка опешила от этих слов, но без заминки ответила:

– Откуда вы это взяли?

Последовала длинная пауза, и Мама обратилась к Анти:

– Подержи ее за руки.

Анти взяла Хацумомо за руки и завела их за спину. Мама приподняла кимоно и запустила руку между ног Хацумомо. Когда она достала руку, пальцы были влажными. Она понюхала их и ударила Хацумомо по лицу, оставив влажный след.

Глава 8

Наказанию подверглась не только Хацумомо. По приказу Мамы всю прислугу лишили сушеной рыбы за сокрытие визитов любовника Хацумомо в окею. Тыква, например, принялась рыдать, узнав о приказе Мамы. Честно говоря, я чувствовала себя ужасно, постоянно ловя на себе сердитые взгляды и осознавая, что мне придется расплачиваться за брошь, которую я никогда не видела. Это делало мою жизнь все более невыносимой и только укрепляло меня в намерении бежать.

Мама скорее всего не поверила в историю с брошью, но она не сомневалась, что я покинула окею той ночью, хотя и не должна была этого делать. Мой выход из океи подтвердила Маме и Йоко. Узнав о распоряжении Мамы держать закрытой входную дверь, чтобы я больше не смогла выйти, я почувствовала, как моя жизнь ускользает от меня. Теперь я никак не могла сбежать. Ключ хранился только у Анти, и она носила его на веревке на шее, не расставаясь с ним даже во время сна. Были предприняты особые меры и в отношении меня: теперь не я, а Тыква ждала по ночам Хацумомо и будила Анти, чтобы та открыла ей дверь.

Каждую ночь, лежа в кровати, я обдумывала свой побег. Но в понедельник, накануне дня, на который мы с Сацу все запланировали, я еще ясно не представляла, как мне удастся осуществить задуманное. От отчаяния у меня даже не хватало сил на выполнение сыпавшихся на меня поручений. Одна из служанок велела мне вымыть деревянный пол в комнате прислуги, где Йоко сидела у телефона. И вдруг произошло чудо. Я отжала мокрую тряпку на пол, и вода, вместо того чтобы потечь к двери, потекла в противоположном направлении.

– Йоко, смотри, – сказала я. – Вода течет вверх.

Конечно, на самом деле она текла вовсе не вверх. Просто мне так показалось. Потрясенная, я еще раз отжала тряпку и наблюдала, как вода опять потекла в угол. А потом... Я не могу сказать точно, как это произошло, я вообразила себя взлетающей по ступеням на лестничную клетку второго этажа, затем по лестнице до люка и через люк на крышу.

Крыша! Как я не додумалась до этого раньше?! Отчетливого представления о том, что я буду делать, добравшись до крыши, у меня не было, но если мне удастся оттуда спуститься, я обязательно встречу с Сацу.

Следующим вечером я беспрестанно зевала, перед тем как пойти спать, и плюхнулась на постель как мешок с рисом. Каждый, кто видел меня тогда, сказал бы, что я должна уснуть мгновенно. Но я не спала, а долго лежала, думая о своем доме и о том, какое выражение лица будет у отца, когда он увидит меня в дверном проеме. Может быть, он начнет плакать или улыбнется. Встречу с мамой я боялась рисовать себе даже в воображении, от одной мысли, что я опять ее увижу, слезы наворачивались на глаза.

Наконец служанки улеглись, а Тыква уселась в ожидании Хацумомо. Я слышала, как Грэнни затянула ежевечерние сутры. Затем через открытую дверь было видно, как она переодевается в свою ночную рубашку. Она сняла платье, и представшее моим глазам зрелище меня ужаснуло. Раньше я никогда не видела ее голой, а выглядела она на удивление несчастной, пытаясь натянуть на себя ночную рубашку. Чем больше я смотрела на Грэнни, тем больше мне казалось, что она тоже думает о своих родителях, продавших ее когда-то маленькой девочкой в рабство. Возможно, она тоже осталась без сестры. Странно, но я раньше никогда не думала так о Грэнни. Интересно, как прошло ее детство, походило оно на мое или нет? Не важно, что она была старой недоброй женщиной, а я лишь пытающейся бороться девчонкой. Может, именно неверно выбранная жизненная дорога делает человека злым? Я помню, как однажды в Йоридо какой-то мальчишка толкнул меня в колючие кусты около пруда. Выбираясь из них, я была

вне себя. Если несколько минут страданий породили во мне такую злобу, то что могут сделать годы? Даже камень могут уничтожить капли бесконечного дождя.

Если бы я не приняла решения о побеге, то, возможно, страшилась бы мысли о страданиях, ожидающих меня в Джионе, и о возможности со временем превратиться в похожую на Грэнни старуху. Но надежда уже на следующий день оставить Джион лишь в воспоминаниях успокаивала меня. Я знала, как заберусь на крышу и спрыгну оттуда на улицу. Выбора не было, придется прыгать в темноту. Даже если приземление окажется удачным, скорее всего мои проблемы только начнутся. Жизнь в Джионе напоминала постоянную борьбу, жизнь после побега будет еще труднее. Мир ужасно жесток. Как мне удастся выжить? Я подумала: а есть ли у меня силы осуществить задуманное... Но Сацу будет ждать меня, и я верила: она знает, что нам делать.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как в своей комнате улеглась Грэнни. Громко храпели служанки. Я повернулась и посмотрела на Тыкву, сидящую на коленях на полу. Ее лицо разглядеть не удалось, но мне показалось, что она дремлет. Я хотела дождаться, когда она уснет, но не знала, который час, а к тому же в любой момент могла вернуться Хацумомо. Я встала насколько могла бесшумно, решив, что если кто-нибудь заметит меня, то просто пойду в туалет и вернусь обратно. Но никто не обратил на меня внимания. Платье, приготовленное для следующего дня, лежало на полу рядом с кроватью. Я подняла его с пола и пошла к лестнице.

Проходя мимо двери Маминой комнаты, я остановилась. Она обычно не храпела, поэтому сложно было понять, спит она или нет. В комнате стояла тишина, лишь сопела во сне ее маленькая собачка Таку. Чем дольше я стояла под дверью, тем больше в ее сопении мне слышалось мое имя: Чи-йо, Чи-йо! Я боялась выходить из окейи пока, Мама не уснет, поэтому решила приоткрыть дверь и удостовериться в этом. Если она не спит, я скажу, будто мне показалось, что меня кто-то позвал. Как и Грэнни, Мама спала при свете настольной лампы. Таку лежала у нее в ногах, и ее грудь то поднималась, то опускалась, издавая звуки, похожие на мое имя.

Я закрыла дверь и переоделась в холле на втором этаже. Единственное, чего мне не хватало, – это туфель. Я не представляла себе, как можно убежать без туфель. Если бы Тыква не сидела у входа, я бы забрала ее пару. Вместо этого пришлось взять очень плохие и слишком большие для меня деревянные туфли, использовавшиеся для хождения по грязному двору.

Закрыв за собой люк, я засунула свою ночную рубашку под бак, залезла наверх и перекинула ногу через конек крыши. Не могу сказать, чтобы я не боялась, но голоса, доносившиеся с улицы, звучали где-то очень далеко внизу. Но поддаваться страху у меня не было времени, ведь в любой момент кто-нибудь из прислуги или даже Мама или Анти могли подняться наверх и обнаружить меня. Я взяла в руки туфли и осторожно пошла вдоль конька крыши. Путь оказался гораздо труднее, чем я себе представляла. Каждый шаг эхом отдавался на соседних крышах.

Переход на другую сторону окейи занял у меня несколько минут. Внизу, на улице, стояла абсолютная темнота. Я перебралась на более низкую крышу соседнего здания, но все равно слишком высокую и крутую, чтобы бесстрашно спуститься вниз. Не надеясь, что следующая крыша лучше, я запаниковала, но все равно продолжала двигаться вдоль конька до тех пор, пока не дошла до конца блока, выходящего одной стороной в открытый двор. Если бы мне удалось добраться до водосточной трубы, можно было бы спуститься по ней до низкой крыши сооружения, скорее всего бани, а оттуда спрыгнуть вниз.

Мне совершенно не хотелось после прыжка оказаться во дворе какого-нибудь другого дома, без сомнения, тоже окейи. Ведь в нашем квартале располагались только окейи. Кто-нибудь, кому нужна гейша, поймает меня и не отпустит. К тому же ворота могут быть, так же как наши, закрыты. Я бы не выбрала этот маршрут, если бы видела что-нибудь более безопасное.

Я сидела на коньке крыши и прислушивалась ко всем звукам, доносившимся из внутреннего двора, но слышала только смех и разговоры на улице. И все же я считала: лучше уж прыгнуть во двор, чем дожидаться, пока кто-нибудь в окейе обнаружит мое отсутствие. Если бы тогда я могла предположить, что поставлено на карту и сколько вреда я причиню себе этим прыжком, то, возможно, вернулась бы обратно. Но я была всего лишь ребенком, отправившимся на поиски приключений.

Я перекинула ногу через конек и с ужасом поняла – крыша гораздо круче, чем мне представлялось. Сделав попытку вернуться, я повисла на коньке крыши, держа туалетные туфли в руках и понимая, что уже никогда не смогу подтянуться и у меня единственный путь – катиться вниз. Но мне кажется, в тот момент, когда я это поняла, я уже и так непроизвольно скатывалась. Сначала я съезжала довольно медленно, и это вселило в меня надежду, что удастся ненадолго остановиться на краю крыши. По пути я потеряла одну туфлю, и она скатывалась рядом, пока не послышался шлепок при ее падении на землю. Последовавшие за тем звуки были для меня гораздо страшнее – звуки шагов, приближающихся ко внутреннему дворику.

Много раз я видела, как мухи держатся на вертикальной стене так, будто сидят на горизонтальной поверхности. Я не знала, то ли у них липкие лапы, то ли они очень легкие, но, услышав приближающиеся ко внутреннему дворику шаги, я пыталась удержаться на стене, как муха. Цепляясь коленями и локтями, я все же стремительно падала вниз.

Какое-то время после падения вокруг меня стояла пугающая тишина, и я ничего не слышала. Приземление можно было считать удачным, по крайней мере головой я ударилась не сильно. Не знаю, где стояла женщина и вообще была ли она во дворе при моем падении с неба. Но она точно видела, как я падала с крыши, потому что, лежа на земле, услышала ее слова:

– О Боже! Дождем оказалась маленькая девочка!

Как мне хотелось вскочить и убежать, но тело меня не слушалось, а местами мучительно болело. Вскоре надо мной склонились две женщины. Одна из них непрерывно что-то повторяла, но я ничего не могла разобрать. Они переговаривали между собой, подняли меня с земли и посадили на деревянную скамейку. Часть их разговора я помню.

– Я говорю вам, она спустилась с крыши, госпожа.

– Но почему она взяла с собой туалетные туфли? Ты поднялась наверх, чтобы сходить в туалет, девочка? Ты меня слышишь? Тебе повезло, что ты не разбилась.

– Она не может вас слышать, госпожа. Посмотрите на ее глаза.

– Да все она слышит. Скажи что-нибудь, малышка!

Но я ничего не смогла сказать. Я думала только о Сацу, которая будет ждать меня напротив театра минамиза, а я никогда там не появлюсь.

Служанку послали пройти по улице и постучать во все двери, пока не удастся выяснить, откуда я появилась. Я в это время лежала в шоковом состоянии, свернувшись калачиком, и плакала без слез, держась за свою руку, которую очень сильно ударила. Вдруг кто-то поднял меня на ноги и влепил пощечину.

– Глупая, глупая девочка! – произнес чей-то голос.

Передо мной стояла разгневанная Анти. Она вытолкала меня из чужой окейи и повела по улице. У входа в нашу окейю она еще раз сильно ударила меня по лицу.

– Знаешь ли ты, что натворила? – сказала она мне, но я была не в силах ответить. – О чем ты думала? Догадываешься ли, как ты себе навредила? Глупая, глупая девочка!

Такой сердитой Анти я еще никогда не видела. Она довела меня до внутреннего двора и положила животом на скамейку. Я принялась заранее плакать, зная, что за этим последует. Но прежде чем наказать меня, Анти вылила мне на платье ведро воды. Избив меня так, что я едва могла дышать, она перевернула меня на спину.

– Ты теперь никогда не станешь гейшей! – кричала она. – Я предостерегала тебя от подобных ошибок! А теперь ни я, ни кто-либо еще не сможет тебе помочь.

Она продолжала говорить, но я больше уже ничего не слышала из-за ужасных криков Тыквы, избиваемой Грэнни за то, что она не заметила моего ухода.

На следующее утро пришел врач и отвел меня в ближайшую клинику, так как при падении с крыши я сломала руку. Только к вечеру я вернулась в окею с гипсовой повязкой на руке. Рука по-прежнему ужасно болела, но Мама сразу же вызвала меня к себе. Она долго сидела молча, глядя на меня и одной рукой поглаживая Таку, а другой держа трубку.

– Тебе известно, сколько я за тебя заплатила?

– Нет, госпожа, – ответила я. – Но вы хотите сказать, что заплатили за меня больше, чем я стою.

Я бы не назвала этот ответ очень вежливым. За него Мама могла и ударить. Но я больше не волновалась, так как ничто уже не исправит ситуацию. Мама сжала зубы и улыбнулась в своей странной манере.

– Да, в этом ты права! – сказала она. – Ты стоишь не больше чем пол-иены. Ты казалась мне умной. Но видимо, недостаточно, чтобы понять, что для тебя благо.

Она отошла и какое-то время молча курила трубку, а потом произнесла:

– Я заплатила за тебя семьдесят пять йен. Потом ты испортила чужое кимоно, украла брошь, а теперь еще сломала руку и я вынуждена оплачивать врача. К тому же тебя учат, кормят, а этим утром от хозяйки Тацуёо в Миягава-чо я узнала о побеге твоей старшей сестры. Хозяйка задолжала мне деньги, а теперь не намерена их отдавать. Так что я вынуждена и эти деньги добавить к твоему долгу. Но разве это что-то меняет? Ты уже должна столько, сколько вряд ли когда-нибудь сможешь заплатить.

Итак, Сацу убежала. Целый день меня мучил этот вопрос, а сейчас я получила на него ответ. Но даже порадоваться за нее у меня не было сил.

– Я предполагала, что ты сможешь заплатить, после того как лет десять – пятнадцать поработаешь гейшей, – продолжала Мама, – конечно, если станешь популярной. Но кто захочет вкладывать деньги в девчонку, способную в любой момент убежать?

Я не знала, что на это отвечать, поэтому просто извинилась. Но если Мама до сих пор разговаривала со мной довольно спокойно, то после моего извинения она отложила трубку и выставила челюсть так, как это делает животное, прежде чем разорвать свою жертву в клочья.

– Ты смеешь извиняться? Я, дура, вложила в тебя такие бешеные деньги! Пожалуй, ты самая дорогая служанка во всем Джионе. Если бы я могла продать твои кости и вернуть хоть часть твоих долгов, я бы вырвала их из твоего тела.

После этих слов она велела мне выйти и взяла в рот трубку.

С дрожащими губами я вышла из ее комнаты, но сдержала слезы, потому что на лестничной клетке стояла Хацумомото. Анти носовым платком вытирала ей глаза, а господин Бэкку ждал, чтобы закончить завязывать ей пояс.

– Все смазлось, – сказала Анти. – Я ничего не смогу здесь поделать. Тебе нужно перестать плакать и снова нанести макияж.

Я точно знала, почему Хацумомото плакала. Ее любовник перестал с ней встречаться, ведь она больше не могла приводить его в окею. Конечно, теперь Хацумомото будет вымещать свою злость на мне. Я попыталась проскользнуть незамеченной, но она окликнула меня и попросила подойти. Делать этого мне не хотелось, но отказаться я не смела.

– Тебе не о чем говорить с Чио, – сказала Анти. – Иди в свою комнату и поправь макияж.

Хацумомото не ответила, а схватила меня за руку, отвела в свою комнату и закрыла за нами дверь.

– Я потратила много дней, обдумывая, каким образом испортить тебе жизнь, – сказала она мне. – Но теперь ты попыталась бежать и, можно сказать, сделала это для меня. Не знаю, довольна я или нет, потому что хотела сделать это сама.

Слышать все это было очень неприятно, но я только поклонилась Хацумомо, сама открыла дверь и вышла, не ответив ей.

Она могла меня за это ударить, но она лишь вышла за мной в холл и сказала:

– Если тебе интересно узнать, что значит быть всю жизнь служанкой, можешь поговорить об этом с Анти. Вы уже как два конца одной струны. У нее сломано бедро, у тебя рука. Возможно, когда-нибудь ты станешь, как и Анти, похожа на мужчину.

– Хацумомо, – окликнула ее Анти, – продемонстрируй нам свое всем известное неотражимое обаяние.

Маленькой девочкой лет пяти-шести, еще ничего не слышавшей о Киото, я знала мальчика по имени Норобу, жившего в нашей деревне. Он был хороший мальчишка, но от него очень плохо пахло. Думаю, именно поэтому его не любили. Когда он говорил, на него обращали ровно столько же внимания, сколько на пение птиц или кваканье лягушек, и бедный Норобу часто от огорчения плакал. Через несколько месяцев после моего побега я стала понимать, каково ему жилось, потому что и со мной перестали разговаривать, за исключением тех случаев, когда давали мне какое-нибудь поручение. Мама и раньше относилась ко мне так, как будто я была клубом дыма, ведь ей приходилось заниматься более серьезными делами. Но теперь вся прислуга, повариха и Грэнни относились ко мне так же.

Всю эту ужасно холодную зиму я думала о том, где сейчас Сацу и мои родители. Большинство ночей проходило в беспокойных мыслях. Мне казалось, что внутри меня огромная яма, бездонная и пустая, будто весь мир был не более чем гигантский зал без единого человека. Чтобы успокоиться, я закрывала глаза и мечтала, будто иду по тропинке вдоль моря в Йоридо. Я знала там каждый камень и так ясно себе это представляла, как будто мы с Сацу действительно убежали домой. В своих мыслях я шла к нашему подвыпившему домику и держала Сацу за руку, хотя раньше никогда этого не делала. Я воображала, как через несколько мгновений мы увидим наших родителей. Только никогда в своих фантазиях я не заходила в дом. Может быть, боясь того, что могла там увидеть, но в любом случае это путешествие было приятным и успокаивало меня. Затем вдруг слышался кашель одной из служанок или стон из комнаты Грэнни, и запах моря исчезал, тропинка под моими ногами превращалась в простыню на моей кровати, а я оставалась в исходной точке своего путешествия наедине со своим одиночеством.

Наступила весна, в парке Марияма зацвели вишни, и в Киото все только об этом и говорили. Хацумомо была занята более чем обычно из-за вечеринок, посвященных цветению деревьев. Я завидовала ее насыщенной жизни всякий раз, когда видела, как она собирается на очередную встречу. Мысли, что однажды ночью Сацу проникнет в окею и освободит меня, давно перестали меня посещать, но я хотела хоть что-нибудь узнать о своей семье в Йоридо.

Однажды утром Мама и Анти собирали Грэнни на пикник. Я спустилась по лестнице и увидела на полу большую, длиной с мою руку, коробку, завернутую в толстую бумагу и перевязанную двойной обтрепанной веревкой. Рядом никого не было, и, не удержавшись, я прочитала имя и адрес, написанные на коробке крупными буквами:

Сакамото Чио
Нитта Кайоко
Джион Томинаго-чо
Киото, Префектура Киото

Потрясенная, я долго стояла неподвижно, с глазами огромными, как чашки. Под обратным адресом значилось имя господина Танака. Мне не хватало воображения даже представить, что содержится в коробке... Вам может показаться это абсурдным, но, честно говоря, я надеялась, что он осознал свою ошибку и теперь решил освободить меня из окейи. Хотя я и с трудом представляла, что же может избавить маленькую девочку от рабства, но действительно верила в чудо, которое должно было изменить всю мою жизнь, когда эту коробку вскроют.

Прежде чем я решила, как мне поступить дальше, спустилась Анти и оттолкнула меня от посылки, хотя на ней и было написано мое имя. Мне так хотелось открыть ее самой, но Анти попросила нож, перерезала веревку и какое-то время разворачивала пакет. Внутри находились деревянный ящик и конверт, адресованный на мое имя. Мне не терпелось узнать содержимое ящика, но я сильно разочаровалась, увидев там погребальные дощечки, две из которых стояли когда-то перед алтарем в нашем «подвыпившем» домике. Две другие я никогда раньше не видела. Они были новые и сплошь исписаны буддийскими именами, которые я не могла разобрать. Я боялась даже поинтересоваться, зачем господин Танака прислал их.

Анти отставила ящик и достала из конверта письмо. Я долго со слезами на глазах ожидала, когда она его прочитает, и старалась ни о чем не думать. Наконец Анти тяжело вздохнула и вывела меня за руку в приемную. Мои руки дрожали, и я изо всех сил отгоняла от себя дурные мысли. Может, присланные господином Танака погребальные дощечки – это хороший знак? К примеру, родители переезжают в Киото, мы здесь купим новый алтарь и установим эти дощечки перед ним. Или, может, Сацу послала их мне, сообщая о своем возвращении. Неожиданно Анти прервала мои мысли.

– Чио, я хочу прочитать тебе письмо от человека по имени Танака Ичиро, – произнесла она очень медленно и тихо. Помнится, я даже не дышала, пока она читала это письмо.

Дорогая Чио!

Полгода прошло с тех пор, как ты покинула Йоридо. Вскоре снова зацветут деревья. Цветы, распускающиеся на месте старых, напоминают нам о том, что и к нам когда-нибудь придет смерть.

Я сам рано лишился родителей, поэтому знаю, как тяжело ты воспримешь мое сообщение. Спустя шесть недель после вашего отъезда в Киото мучениям вашей матушки пришел конец, а всего через несколько недель после нее этот мир покинул и ваш отец. Я выражаю тебе глубочайшие соболезнования и заверяю тебя, что останки твоих родителей покоятся на деревенском кладбище. Отпевание состоялось в храме Хоко-йи в Сензуру, к тому же жёщины в Йоридо пели сутры. Я смею выразить уверенность: оба ваших родителя нашли свое место в раю.

Обучение мастерству гейши – очень трудный путь. Я испытываю глубочайшее уважение к тем, кто в состоянии преодолеть трудности и стать великим мастером. Несколько лет назад в Джисоне я с удовольствием наблюдал весенние танцы и посетил вечеринку в чайном доме. Они произвели на меня неизгладимое впечатление. Это дает мне возможность думать, что ты живешь в очень хорошем месте и тебе не придется страдать от неизвестности. Я уже немало пожил, на моих глазах выросли два поколения детей, и имею право сказать, что редко у обычных птиц рождаются лебеди. Лебедь, продолжающий жить на дереве своих родителей, умирает. Прекрасные и талантливые должны искать свой собственный путь в этом мире.

Твоя сестра Сацу поздней осенью приехала в Йоридо и почти сразу же сбежала с сыном господина Суджи. Господин Суджи еще надеется увидеть своего сына, поэтому дай ему знать, как только ты получишь какую-нибудь весточку от своей сестры.

Искренне твой, Танака Ичиро.

Еще задолго до того, как Анти закончила читать письмо, слезы хлынули из моих глаз, как кипящая вода из кастрюли. Хватило бы одного известия о смерти мамы, чтобы привести меня в такое состояние. Но узнать об одновременной смерти и матери, и отца, и о сестре, тоже скорее всего для меня потерянной, оказалось выше моих сил.

Конечно, было слишком наивно полагать, что моя мама по прошествии стольких месяцев еще жива. Но так мало в моей жизни осталось вещей, на которые я могла надеяться. Потому и надеялась.

Анти сочувствовала моему горю и повторяла снова и снова:

– Держись, Чио, держись. Нам ничего больше в этом мире не остается.

Когда я наконец смогла говорить, то попросила Анти спрятать погребальные дощечки туда, где я не смогу их видеть, и помолиться от моего имени. Мне казалось, что сама я этого сделать не в состоянии. Но она отказалась и даже устыдила меня за подобную просьбу, а затем помогла установить дощечки на полке рядом с лестницей, где я могла бы каждое утро молиться.

– Никогда не забывай их, Чио-сан, – сказала она. – Они – это все, что осталось у тебя от детства.

Глава 9

Когда я отмечала шестидесятипятилетний юбилей, один друг прислал мне статью под названием «Двадцать величайших гейш в истории Джиона». Может, было не двадцать, а тридцать гейш, я точно не помню. Мое имя упоминалось тоже. В статье местом моего рождения назывался Киото, а ведь это не так. Могу вас заверить, я не была одной из двадцати лучших гейш Джиона. Просто многие люди не видят разницы между великим и популярным. Благодаря письму господина Танака, сообщившему мне о смерти моих родителей и о сестре, скорее всего потерянной для меня, я смогла стать по крайней мере известной гейшей.

Вы наверняка вспомнили мои слова о том, что день, когда я встретила господина Танака, был одновременно лучшим и худшим в моей жизни. Наверное, мне уже не стоит объяснять, почему он оказался худшим, но почему лучшим, вероятно, до сих пор непонятно. Действительно, до сих пор господин Танака приносил мне только несчастья, но в то же время он существенно расширил мои жизненные горизонты. Мы, подобно воде, течем по жизни с горы примерно в одном направлении до тех пор, пока не столкнемся с чем-то, кардинально меняющим наше направление. Если бы я не встретила господина Танака, моя жизнь напоминала бы поток, текущий от нашего «подвыпившего» домика к океану. Но, выходя в мир, мы все же не расстаемся с тем, что было нашим домом. До того момента, как я получила письмо господина Танака, меня ни на минуту не покидала мысль, что я обязательно буду жить где-нибудь в другом месте, по крайней мере с оставшимися членами семьи. Я жила отчасти в Джионе, а отчасти в своих мечтах, возвращающих меня домой. Мечты очень опасная вещь: они тлеют, как огонь, и иногда совсем поглощают нас.

Всю весну и лето я чувствовала себя ребенком, потерянным на озере в тумане. Все перемешалось в моей голове. Кроме постоянного чувства страха, я помню только отдельные обрывки происходивших вокруг событий. Одним холодным вечером зимой я сидела в комнате прислуги, наблюдала, как во дворе окейи тихо падает снег, и представила своего отца, кашляющего в одиночестве в опустевшем домике, маму, лежащую на постели. Я выскочила во двор, пытаюсь убежать от своих страданий, но невозможно убежать от того, что внутри нас.

Прошел целый год после ужасных новостей, описанных в письме господина Танака. Ранней весной, в апреле, опять зацвели вишни. Мне было уже почти двенадцать, и я постепенно приобретала женские формы, в то время как Тыква по-прежнему выглядела как маленькая девочка. Я вытянулась и достигла практически своего нынешнего роста. Мое тело еще год или два будет оставаться тонким и угловатым, но лицо уже утратило свою ребяческую округлость, оно определилось, глаза приобрели миндалевидную форму, а подбородок и скулы заострились. Раньше мужчины на улице совершенно не замечали меня, словно я была голубем, теперь же они провожали меня взглядом, когда я проходила мимо. Было неожиданно и странно превратиться в объект внимания.

Однажды рано утром, в апреле, я проснулась от необычного сна о бородатом мужчине. Огромная борода делала черты его лица плохо различимыми. Стоя передо мной, он что-то говорил мне, а потом с шумом открыл бумажные жалюзи на окне. Я проснулась и подумала, что, может быть, услышала шум в комнате, но кругом стояла тишина. Служанки вздыхали во сне. Круглая голова Тыквы покоилась на подушке. Все выглядело как обычно, но мои чувства подсказывали мне, что это совершенно не так. Я ощутила, что иначе смотрю на мир, как будто сквозь окно, открывшееся в моем сне.

Почему я это чувствовала и что это значило, я не смогла бы объяснить. Но я продолжала думать об этом, подметая ступеньки во внутреннем дворе в то утро. В голове жужжали мысли, подобно пчелам, попавшим в банку. И я неожиданно вспомнила то, о чем не задумывалась с первых дней моего пребывания в Киото.

Через день или два после того, как нас с сестрой разлучили, меня послали постирать какие-то тряпки. Неожиданно появился мотылек и сел мне на руку. Я смахнула его, ожидая, что он улетит, но вместо этого он камнем упал вниз, на землю. Я не знала, упал ли он мертвым с неба или я убила его, но смерть этого маленького насекомого очень тронула меня. Я любовалась узором на его крыльях, а затем завернула его в одну из тех тряпок, которые стирала, и спрятала ее под фундаментом нашего здания. До сих пор я не вспоминала об этом мотыльке, а вспомнив о нем сейчас, нашла его под домом. С тех пор как я его спрятала, многое изменилось, даже я сама. Но развернув тряпку, я увидела такое же прекрасное, как и тогда, создание. Мотылек оставался по-прежнему прекрасным и совершенно неизменным. Если бы и в моей жизни все осталось таким же, как было в первую неделю моего приезда в Киото... Когда я подумала об этом, мысли вихрем понеслись в моей голове. Поразительно, но мы с мотыльком представляли собой как бы две крайности. Мое существование было переменчивым, как водный поток, все время меняющий свое направление, а мотылек напоминал камень, который совершенно не меняется. Пока я думала об этом, мне захотелось потрогать пальцем бархатистую поверхность крыльев, но только я дотронулась до нее, как мотылек, моментально рассыпавшись, превратился в кучку пепла. Я даже вскрикнула от потрясения и наконец-то поняла, что меня мучило все это утро. Прошлое ушло. Мои отец и мать мертвы, и я не в состоянии изменить это. Думаю, и я последний год тоже была мертва. Моя сестра... Да, она тоже ушла в прошлое. Я же не ушла. И я почувствовала, что внутренне перевернулась. Теперь я смотрела не в прошлое, а в будущее. И передо мной вставал вопрос: а каким будет это будущее?

В тот момент я была уверена, что сегодня же получу на него ответ в виде какого-то знака. Вот почему бородач открыл мне во сне окно. Он говорил:

– Наблюдай за вещами, которые тебе будут попадаться, ибо одна из них может оказаться твоим будущим.

Тут как раз Анти позвала меня:

– Чио, иди сюда!

Я пошла по темному коридору в состоянии транса. Меня бы не удивило, если бы Анти сказала:

– Хочешь узнать о своем будущем? Тогда слушай внимательно...

Но она не сказала ничего подобного, а лишь протянула мне две заколки для волос, лежащие на белом шелковом платке.

– Возьми это, – сказала она мне. – Не знаю, что происходит с Хацумомо. Прошлой ночью она вернулась в окею с чужими заколками для волос. Может быть, она выпила больше, чем обычно. Пойди найди ее, спроси, чьи это заколки, и верни их хозяйке.

В том, что Хацумомо пришла домой с чужими заколками, на первый взгляд нет ничего особенного, но на самом деле это примерно то же, как если бы она пришла домой в чьем-то нижнем белье. Гейши не моют голову каждый день из-за своих сложных причесок. Поэтому заколка для волос – очень интимный предмет для гейши. Анти даже не хотела прикасаться к ним и держала их на платке. Она завернула их, и я подумала о сходстве этого свертка с тем, с мотыльком, который я держала в руках несколько минут назад. Конечно, знак ничего не сообщит до тех пор, пока ты не поймешь, как его интерпретировать. Я стояла, глядя на сверток в руках Анти, пока она не сказала:

– Возьми его наконец!

Вместе с заколками Анти протянула мне лист бумаги с разными поручениями и велела вернуться в окею, как только я все выполню.

Позже, по дороге в школу, я развернула сверток и еще раз внимательно посмотрела на заколки. Одна из них была черного цвета, лакированная, в форме заходящего солнца, с золотым орнаментом из цветов по краю. Другая – из светлого дерева, украшенная двумя жемчужинами и крошечным янтарным шариком.

Я подождала около здания школы, пока прозвенит звонок и закончатся уроки. Вскоре стали выходить девочки в сине-белых платьях. Хацумомо заметила меня раньше, чем я ее. Вас может удивить, почему она ходила в школу, хотя была уже отличной танцовщицей и, конечно же, знала все необходимое гейше. Но даже известные гейши в течение всей своей жизни продолжают брать уроки, некоторые из них даже в пятьдесят и шестьдесят лет.

– О! – воскликнула Хацумомо, глядя на свою подругу. – Посмотри на эту дылду!

Она высмеивала меня за то, что я выросла на два сантиметра выше, чем она.

– Меня к вам послала Анти, госпожа, – сказала я, – выяснить, чьи заколки вы украли прошлой ночью.

Улыбка исчезла с ее лица. Она взяла сверток из моих рук и развернула его.

– Да, это не мои, – сказала она. – Но где ты взяла их?

– О Хацумомо-сан! – вмешалась другая гейша. – Разве ты не помнишь? Вы с Канако сняли свои заколки, играя в эту дурацкую игру с судьей Увазуми. Наверное, Канако пошла домой с твоими заколками, а ты надела ее.

– Ужасно, – сказала Хацумомо. – Как ты думаешь, когда Канако последний раз мыла голову? Послушай, ведь ее окея находится рядом с твоей. Отдай заколки ей и скажи, что свои я заберу позже, но пусть она их не носит.

Незнакомая гейша взяла заколки и ушла.

– Чио, не уходи, пожалуйста, – сказала мне Хацумомо. – Я тебе кое-что хочу показать. Видишь выходящую из ворот маленькую девочку? Ее зовут Ичикими.

Я посмотрела на Ичикими, но Хацумомо, казалось, больше ничего не собиралась о ней говорить.

– Я ее не знаю, – сказала я.

– Конечно, не знаешь. В ней нет ничего особенного. Слегка глуповата и безобразна, как калека. Не кажется ли тебе забавным, что она будет гейшей, а ты нет?

Едва ли Хацумомо могла сказать мне что-нибудь более обидное. Вот уже полтора года как я приговорена к тяжелой работе прислуги. Моя жизнь казалась мне длинной дорогой в никуда. Нельзя сказать, что я хотела стать гейшей, но я точно не хотела оставаться прислужкой. Долгое время я стояла в школьном саду и наблюдала, как девочки моего возраста, беседуя, проходили мимо меня. Они шли на обед, а мне казалось, они двигались от одного важного мероприятия к другому, тогда как я посвящала все свое время чистке камней во дворе нашей океи. Сад опустел, и я подумала – это, видимо, и есть тот самый долгожданный знак. Если остальные девочки в Джионе продвигаются по жизни вперед, то я остаюсь далеко позади. В этом я увидела его смысл. С этой ужасной мыслью мне казалось невыносимым оставаться дольше в школьном парке. Я прошла до проспекта Шийо и свернула к реке Камо. Огромные флаги на театре минамиза возвещали о предстоящем спектакле самого известного театра кабуки под названием «Шибараку», хотя в тот момент я ничего не знала о кабуки. Толпы народа поднимались по лестнице в театр. Среди мужчин в темных европейских костюмах мелькали гейши в темно-синих кимоно с узором из золотых листьев. И здесь я опять остро почувствовала бегущую мимо меня жизнь в ее беспокойном великолепии. Я поспешила по улице вдоль ручья Ширакава. Даже его воды, думала я, текут в реку Камо, а из нее в залив Осака, а затем в море. Похоже, это невеселое послание поджидало меня всюду. Я села на камень на берегу ручья и зарыдала. Я – забытый остров среди океана, без прошлого и без будущего. Казалось, я нашла безлюдное место, как вдруг неподалеку раздался мужской голос:

– В такой хороший день нельзя так плакать.

Обычно мужчины на улицах Джиона не замечали подобных мне девочек, особенно ревущих. Если же они и заговаривали с ними, то только с просьбой посторониться или что-нибудь в этом роде. Этот же мужчина не только заговорил со мной, но заговорил по-доброму, обратившись ко мне так, словно я была девушкой из его окружения, ну, например, дочерью его

хорошего друга. На какую-то долю секунды мир показался мне совершенно непохожим на тот, который я знала. В этом мире ко мне отнеслись по-человечески, в нем отцы не продают собственных дочерей. И когда я поднялась и посмотрела на человека, заговорившего со мной, мне показалось, что все мои страдания остались на камне.

Мне бы хотелось как можно лучше описать его вам, но это трудно сделать, не вспомнив эпизод из моего детства. На берегу моря в Йоридо росло дерево с совершенно гладким стволом, отшлифованным постоянными сильными ветрами. Однажды, лет в пять, я увидела на стволе этого дерева лицо. На поверхности размером с тарелку два острых выступа по краям выглядели как скулы. Тени от них создавали глазные впадины, а складка на коре под ними воспринималась как нос. Лицо было слегка наклонено в одну сторону и смотрело на меня лукаво. Казалось, оно принадлежит человеку уверенному, подобно дереву, знающему свое место в жизни. Тогда я считала, что нашла изображение Будды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.